

НЕКРАСОВ-ЖУРНАЛИСТ

Статья В. Евгеньева-Максимова*

I. ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ЖУРНАЛОВ НЕКРАСОВА

Н. К. Михайловский, проработавший рука об руку с Некрасовым почти десять лет, определяя выдающееся значение его журнальной деятельности и подчеркивая те трудности, которые приходилось ему преодолевать, «чтобы провести корабль литературы среди бесчисленных подводных и надводных скал», говорит: «И Некрасов вел его, провозя на нем груз высокохудожественных произведений, составляющих ныне общепризнанную гордость литературы, и светлых мыслей, постепенно ставших общим достоянием и частью вошедших в самую жизнь. В этом состоит его незабвенная заслуга, цена которой, быть может, даже превосходит цену его собственной поэзии»¹.

С последним утверждением Михайловского согласиться невозможно, ибо в нем сказалась недооценка значения Некрасова как поэта. Но тем не менее это утверждение и интересно и показательно: уже самая возможность ставить вопрос так, как ставит его Михайловский, говорит о многом.

Не менее интересны и показательны слова другого современника Некрасова, А. С. Суворина, относящиеся к тому времени, когда Суворин еще сохранял некоторые связи с прогрессивными течениями эпохи. У свежей могилы Некрасова он писал: «Не стремись Некрасов к независимости, не вырабатывай он у себя практической сметки... судьба журналистики русской, столь часто зависевшая от случая, могла быть иной, а журналистика очень много обязана Некрасову. Для нее тоже нужен был «практический человек», но не того предпринимательского склада, который тогда царствовал нераздельно. Нужен был талантливый человек, понимающий ее задачи, широко на них смотревший, строящий успех журнала не на эксплуатации сотрудников, а на идеях и талантах.

— Один я между идеалистами был практик,— говорил Некрасов,— и, когда мы заводили журнал, идеалисты это прямо мне говорили и возлагали на меня как бы миссию создать журнал.

И он создал этот журнал, несмотря на все препятствия, на отсутствие сотрудников, денег и возможности писать что-нибудь такое, что живо затрагивало бы общество...»².

«Судьба журналистики русской могла быть иной» — это сильно сказано и производит не меньшее впечатление, чем слова Михайловского о том, что заслуга Некрасова-журналиста, «может быть, даже превосходит цену его собственной поэзии».

* Настоящая статья подводит итог многолетним работам автора этих строк по изучению журнальной деятельности Н. А. Некрасова, а потому автор не считает нужным в последующем изложении ссылаться на свои печатные высказывания об этой деятельности, с оговоркой, что все сколько-нибудь существенное в этих высказываниях использовано в предлагаемом вниманию читателей «Литературного Наследства» обобщающем изложении.

Трудно себе представить более различных, и по своему мировоззрению, и по своей роли в литературе, писателей, чем Михайловский и Суворин, вскоре сделавшиеся, к тому же, непримиримыми врагами. Тем знаменательнее, что они сошлись во взглядах на журнальную деятельность Некрасова, хотя и подходили к ней с различных сторон.

Для Михайловского на первом плане — общественные результаты этой деятельности, выразившиеся в том, что благодаря некрасовским журналам общим достоянием стали «светлые мысли», т. е. передовые идеи демократии, имевшие огромное значение для русского освободительного движения, и «высокохудожественные произведения», составляющие гордость русской литературы.

Для Суворина наибольший интерес представляют организаторские таланты Некрасова, в частности его умение подходить к своим журнальным начинаниям практически, по-деловому, без которого его журнальная «миссия» осталась бы невыполненной.

Сказанное Михайловским и Сувориным нуждается не столько в пояснениях, сколько в конкретизации.

О каких «светлых мыслях» говорит Михайловский?

Само собой разумеется, о тех, которые пропагандировались великими революционными демократами России, — В. Г. Белинским, Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым.

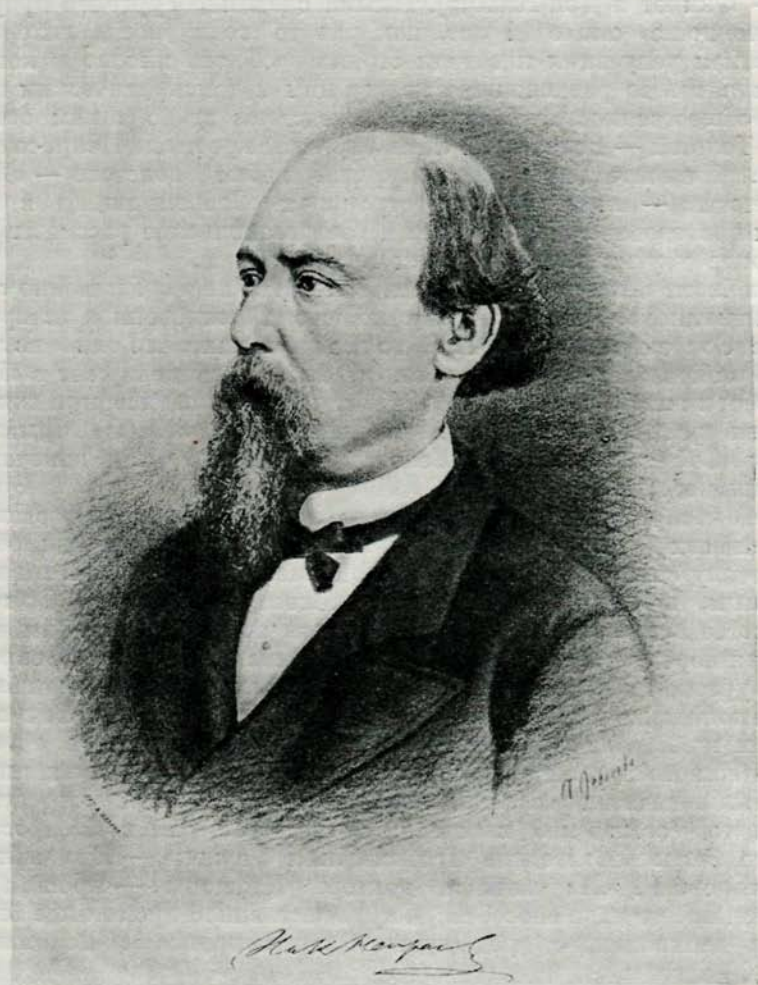
Белинский успел многое сказать и до того времени, когда возглавил критико-библиографический отдел «Современника», но именно в последние полтора года своей жизни, на страницах некрасовского «Современника», а не какого-либо другого журнала, он сформулировал те взгляды, с которыми сошел в могилу.

Что касается Чернышевского и Добролюбова, то их деятельность настолько тесно связана с «Современником», что ее невозможно представить вне его. Через «Современник» прошла большая и лучшая часть литературного творчества Чернышевского; «Современнику» всецело отдал себя Добролюбов, напечатав на его страницах все сколько-нибудь значительное, что ему суждено было создать как критику и публицисту.

М. А. Антонович справедливо говорит в своих «Воспоминаниях о Н. А. Некрасове», что если «Некрасов следовал только общему голосу, приобретаая Белинского для своего журнала», — то привлечение к руководящему сотрудничеству в «Современнике» сначала Чернышевского, а затем Добролюбова, которые в ту пору еще ничем или почти ничем не проявили себя в литературе, является его исключительной и очень большой заслугой³. Чернышевский отнюдь не впадал в преувеличение, когда за год до смерти писал К. Т. Солдатенкову: «Некрасов — мой благодетель. Только благодаря его великому уму, высокому благородству души и бестрепетной твердости характера я имел возможность писать, как я писал. Я хорошо служил своей родине и имею право на признательность ее, но все мои заслуги перед нею — его заслуги. Сравнительно с тем, что я ему обязан честью быть предметом любви многочисленной и лучшей части образованного русского общества, маловажно то, что он делился со мной последней сотней рублей, он долго был беден и «Современник» не имел денег...»⁴.

Нет надобности доказывать, что Добролюбов имел бы не меньшие основания присоединиться к этим словам, чем Чернышевский их написать. Имя Некрасова-журналиста поистине нерасторжимыми узами связано с великими именами Белинского, Чернышевского, Добролюбова. В 40-е годы деятельнейшим сотрудником «Современника» был А. И. Герцен. В 1868 г., когда Некрасов формировал редакцию «Отечественных Записок», он поспешил привлечь к сотрудничеству в них Д. И. Писарева, которое оказалось, однако, слишком кратковременным из-за внезапной смерти критика.

Однако Михайловский, как мы видели, ставил в заслугу Некрасову не только то, что он «провозил» на своих журнальных «кораблях» груз «светлых мыслей», но и то, что он «провозил» на них «груз высокохудожественных произведений, составляющих ныне общепризнанную гордость литературы». И действительно, не будет преувеличением сказать, что в семье великих русских художников слова середины и второй половины XIX века

НЕКРАСОВ

Автолитография А. И. Лебедева, 1877 г.

Альбом рисунков А. И. Лебедева «Кое-что из Некрасова», СПб., 1878 г.

нет ни одного, который не печатался бы в «Современнике» или в «Отечественных Записках», а некоторые из них являлись иногда исключительными, иногда преимущественными сотрудниками этих журналов.

В длинном перечне имен, сюда относящихся, первое место занимают имена И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого.

Тургенев, сотрудничая в «Современнике» с января 1847 г., т. е. с первой же книжки журнала, вышедшей под редакцией Некрасова, дал журналу тот цикл рассказов, который сделал его имя одним из известнейших и лю-

бимейших писательских имен, — «Записки охотника», дал журналу лучшие из своих пьес, например, «Месяц в деревне», «Завтрак у предводителя», а кроме того, такие свои прославленные произведения, как «Муму», «Фауст», «Ася», как первые два романа — «Рудин» и «Дворянское гнездо». Не включая в наш перечень многих других произведений Тургенева, отметим, что его сотрудничество в «Современнике» продолжалось до января 1860 г. (в январской книжке за этот год появился критический очерк Тургенева — «Гамлет и Дон-Кихот»). Иными словами, Тургенев проработал в «Современнике» около 14 лет, как раз те годы, когда литературно-общественная репутация писателя стояла особенно высоко и когда еще не проявлялось то расхождение между ним и демократическим лагерем русской общественности, которое впоследствии стало таким острым.

Л. Н. Толстой — подлинный литературный крестник Некрасова и его журнала. Блистательный литературный дебют Толстого, — «История моего детства», — имел место на страницах «Современника» в 1852 г. А за ним последовали «Отрочество» и «Севастопольские рассказы», не говоря о ряде других замечательных произведений.

Все три части знаменитой трилогии Гончарова непосредственно связаны с «Современником». Если общеизвестно, что «Обыкновенная история» появилась в «Современнике» в 1847 г., то все ли помнят, что одна из лучших частей «Обломова», знаменитый «Сон Обломова», увидела свет в «Литературном сборнике», вышедшем в 1849 г. как бесплатное приложение к «Современнику»? Все ли помнят, что начальные главы «Обрыва», под заглавием «Софья Николаевна Беловодова», также были напечатаны в «Современнике» (1860, № 2)?⁵

Турьма, каторга и ссылка, на много лет изъязвившие Достоевского из рядов активных деятелей литературы, явились одной из причин, объясняющих, почему сотрудничество его в «Современнике» не могло быть столь интенсивным, как сотрудничество Тургенева, Толстого и Гончарова. Связь Достоевского с журналами Некрасова исчерпывается тем, что его знаменитая первая повесть «Бедные люди» была напечатана Некрасовым в «Петербургском Сборнике», т. е. в том альманахе, который как бы предвещал появление «Современника»; его «Роман в девяти письмах» появился в первом же номере «Современника» некрасовской редакции, а в «Иллюстрированном Альманахе» (бесплатное приложение к «Современнику» за 1848 г.) был напечатан рассказ «Ползунков». Что касается «Отечественных Записок», то Достоевский напечатал в них свой роман «Подросток».

Лучшие беллетристические произведения Герцена, — «Кто виноват?», «Сорока-воровка», «Из записок доктора Крупова», — прошли через «Современник», не мало способствуя художественной пропаганде тех идей, которыми вдохновлялась редакция «Современника», с Белинским во главе в 40-е годы.

Усердно сотрудничал в «Современнике» и Д. В. Григорович, поместивший в нем множество повестей и рассказов, в том числе знаменитого «Антон Горемыку» («Современник», 1847, № 11).

Значителен был вклад в «Современник» и А. Ф. Писемского (роман «Богатый жених» в 1851—1852 гг.; рассказы «Леший» — в 1853 г., «Фанфарон» — в 1854 г., «Виновата ли она?» в 1855 г. и т. д.).

Когда в условиях назревавшей революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов произошло размежевание либерального и революционно-демократического течений в русской общественной мысли и литературе и часть сотрудников «Современника» во главе с Толстым и Тургеневым ушла из журнала, идейно-политическая гегемония в котором уже полностью была завоевана Чернышевским и Добролюбовым, Некрасов сумел во-время сплотить вокруг журнала крепкую группу молодых писателей демократического лагеря. Их произведения, напечатанные в последние

годы существования «Современника», также внесли значительный вклад в русскую художественную литературу. Достаточно назвать здесь «Очерки бурсы», «Мещанское счастье», «Молотов» Н. Г. Помяловского, «Очерки народного быта» Николая Успенского, «Нравы Растеряевой улицы» Глеба Успенского, «Письма из Осташкова» и «Трудное время» В. А. Слепцова, «Подлиповцы» Ф. А. Решетникова и др.

Одновременно Некрасов привлек к журналу таких писателей старшего поколения, как А. Н. Островский и М. Е. Салтыков-Щедрин.

Островский особенно часто стал печататься в «Современнике» именно в 60-е годы, т. е. тогда, когда либерально-дворянская группа сотрудников журнала уже отошла от него. Однако наибольшей интенсивности сотрудничество Островского в некрасовских журналах достигло в годы «Отечественных Записок». Постоянные подписчики, открывая январские или февральские книжки журнала, знали, что найдут в них новые пьесы Островского. И действительно, в № 1 1869 г. появилась комедия «Горячее сердце»; в № 2 1870 г.— «Бешеные деньги»; в № 1 1871 г.— «Лес»; в № 1 1872 г.— «Не было ни гроша, да вдруг алтын»; в № 2 1873 г.— «Комик XVII столетия»; в № 1 1874 г.— «Поздняя любовь, сцены из жизни захолустья»; в № 11 1875 г.— «Волки и овцы»; в № 2 1876 г.— «Богатая невеста» и в № 1 1877 г.— «Правда хорошо, а счастье лучше».

Что касается Щедрина, то в его лице Некрасов приобрел не только выдающегося литературного сотрудника, но и авторитетного соредактора. Совмещая напряженнейшую писательскую работу с трудом соредактора, Щедрин в 1863—1864 гг. сделал очень много для успеха «Современника», в котором, помимо ряда художественных очерков, вошедших в его сборники «Невинные рассказы» и «Сатиры в прозе», напечатал множество критических и публицистических статей, среди них замечательный цикл «Наша общественная жизнь».

В «Отечественных Записках» роль Щедрина как постоянного сотрудника и редактора была еще более выдающейся. Именно в этом журнале полностью развернулось его гениальное сатирическое дарование и были напечатаны все его произведения периода 1868—1884 гг. (т. е. всего периода существования журнала) и среди них «История одного города», «Господа ташкентцы», «Дневник провинциала в Петербурге», «Помпадуры и помпадурши», «Благонамеренные речи», «Господа Головлевы», «За рубежом», «Современная идиллия», «Письма к тетеньке», часть «Сказок» и др.

Продвигая в большую литературу таких писателей, как Гончаров и Тургенев, Толстой и Достоевский, как, наконец, Островский и Щедрин,—Некрасов делал очень большое дело. Хотя все они завоевали бы себе место корифеев русской литературы и независимо от их участия или неучастия в некрасовских журналах, но это, несомненно, потребовало бы больших усилий с их стороны и, по всей вероятности, произошло бы значительно позже.

Мы говорили до сих пор о художественно-литературном и критико-публицистическом отделах некрасовских журналов (для последнего отдела необходимо упомянуть еще имена А. Н. Пыпина, М. А. Антоновича, Г. З. Елисеева и Н. К. Михайловского.) Если от этих отделов обратиться к научному отделу, то окажется, что и он был поставлен превосходно. Достаточно сказать, что в научном отделе «Современника» участвовали такие ученые, как А. Н. Афанасьев, Барбот де Марни, В. П. Гаевский, А. Д. Галахов, Т. Н. Грановский, А. Н. Егунов, И. Е. Забелин, П. А. Ильенков, К. Д. Кавелин, Н. П. Костомаров, М. С. Куторга, В. А. Милютин, Б. В. Ордынский, П. П. Пекарский, Д. М. Перевозчиков, К. Ф. Рулье, П. И. Редкин, А. И. Савич, С. М. Соловьев, М. М. Стасюлевич, М. Г. Устрялов, К. Д. Ушинский и др.

Общественно-политическое значение пропаганды демократических идеалов, проводившейся некрасовскими журналами в области литературы, критики, публицистики и науки, было тем больше, что она проникала в весьма широкие круги тогдашнего общества, оказывая здесь свое воздействие.

В подтверждение приведем некоторые не лишённые значения и интереса цифры.

Двадцать лет, с 1847 по 1866 г., Некрасов издавал и редактировал «Современник»; десять лет, с 1868 по 1877 г., «Отечественные Записки». Иными словами, в течение тридцати лет русское общество, благодаря Некрасову, подвергалось систематическому воздействию передовых идей. О размерах этого воздействия можно судить хотя бы по следующим, разумеется, приблизительным, подсчетам: в течение тридцати лет Некрасов выпустил, считая круглыми цифрами, триста шестьдесят номеров своих журналов, составивших не менее девяти тысяч печатных листов. Исходя из среднего тиража каждого номера в 5 000 экземпляров, общий тираж всех выпущенных Некрасовым номеров определится цифрой в 1 800 000 экземпляров. Если допустить, что каждый из этих экземпляров был прочтен всего только десятью читателями, то общее число читателей некрасовских журналов составит 18 миллионов.

Приведенные цифры дают возможность приблизительно представить себе подлинные масштабы воздействия некрасовских журналов на общественное сознание. Вот почему вопросы, связанные с изучением истории создания и существования этих журналов, являются одновременно и важными вопросами изучения русской общественной мысли. Создать «Современник» и «Отечественные Записки», — это значило не просто создать удачные журнальные предприятия; это значило сделать крупнейший вклад в дело развития демократической культуры в нашей стране, в дело идеологической подготовки русской революции.

II. НЕКРАСОВ — ОРГАНИЗАТОР ЖУРНАЛОВ

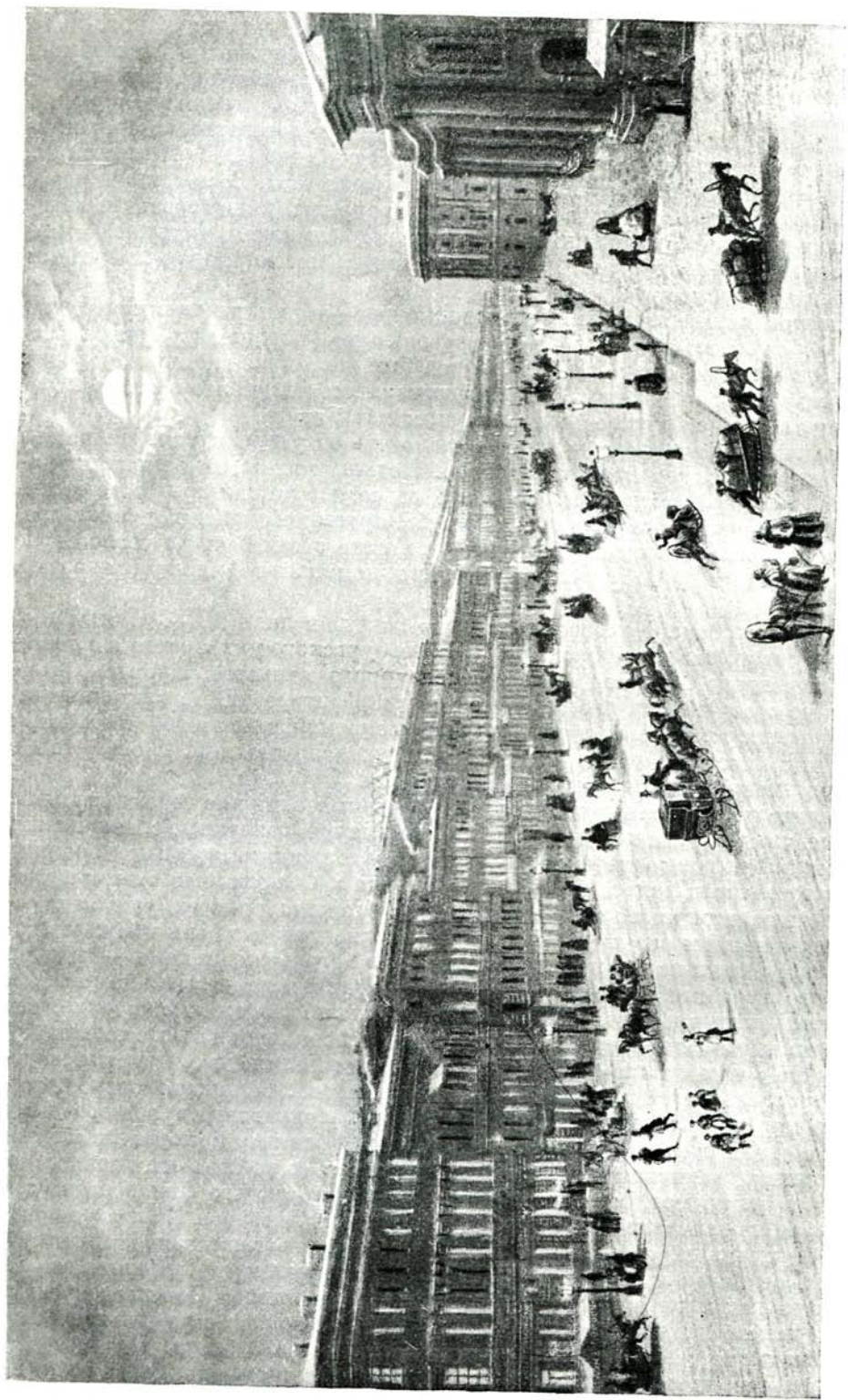
Во второй половине 40-х годов среди прогрессивных деятелей русской общественности и литературы никто не пользовался большим авторитетом, чем Белинский. Благодаря ему «Отечественные Записки» Краевского имели огромный успех и приобрели репутацию лучшего журнала тех лет. Однако положение Белинского в журнале было крайне трудным и ненормальным. Энергичный издатель-предприниматель капиталистического склада Краевский жестоко эксплуатировал великого критика. Белинский имел основания сравнивать себя с Прометеем, прикованным к скале («Отечественным Запискам»), а Краевского — с коршуном, питающимся мясом и кровью Прометея.

Этим возмущались многочисленные петербургские и московские друзья критика, против Краевского негодовали, о необходимости освободить Белинского из-под ига дельца и эксплуататора толковали десятки людей, знавших положение дел в «Отечественных Записках».

Но только один Некрасов оказался способным перейти в этом вопросе от слов к делу. Именно он убедил Белинского порвать с Краевским, а затем, понимая, что великий критик не может и не должен остаться без журнальной трибуны, создал для него эту трибуну.

В условиях николаевской действительности это было нелегким делом. Было очевидно, что получить у властей разрешение на издание нового журнала для группы Белинский — Некрасов — Панаев — не удастся. Был один: овладеть каким-либо из уже существующих журналов.

И вот тотчас же после того, как в казанском имении Г. М. Толстого в мае — июне 1846 г. Некрасов договорился с Панаевым и с самим Толстым о

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ ЗИМОЙ
Анварель И. Шарлемань, 1856 г.,
Музей истории и развития Ленинграда

предоставлении ими необходимых средств для приобретения какого-либо из уже существующих журналов, он спешно выезжает в Петербург, чтобы начать необходимые поиски и хлопоты⁶. Через месяц к нему присоединяется Панаев. «До 10 сентября» оба они «метались, отыскивая журнал», причем Некрасов даже ездил в Ревель в надежде договориться с проживавшим там собственником журнала «Сын Отечества» К. П. Масальским. Только в 20-х числах сентября им удалось оформить свое соглашение с П. А. Плетневым о передаче им, на правах аренды, редакторских и издательских прав на «Современник». Нет никакого сомнения, что душой этого соглашения был Некрасов. Однако в нотариальном договоре с Плетневым его имя не упомянуто.

Некрасов, являвшийся в глазах реакционеров «отчаянным коммунистом», который «страшно вопиет в пользу революций» (выражение Булгарина в одном из доносов его в III Отделение), был настолько скомпрометирован в политическом отношении, что в официальном документе о его участии в «Современнике» лучше было не упоминать вовсе.

Тем более нечего было и думать хлопотать об утверждении Некрасова или Белинского редактором журнала. Возник вопрос о подыскании человека, который согласился бы взять на себя официальную ответственность за журнал перед властями, был бы приемлем для них с точки зрения полицейской «благонадежности» и вместе с тем был бы согласен не вмешиваться в дела редакции, а лишь номинально числиться редактором.

Такого человека Некрасов и Панаев нашли в лице А. В. Никитенко, совмещавшего звание профессора С.-Петербургского университета с должностью цензора С.-Петербургского цензурного комитета. Правда, Никитенко не сразу понял, что он нужен не как фактический, а как юридический редактор журнала, и пытался вначале вмешиваться в действия новой редакции, что приводило к значительным осложнениям. Но, в конце концов, некий *modus vivendi* был найден.

Значительно более трудный характер имели возникшие через несколько месяцев после организации журнала осложнения, связанные с Белинским. Последний выразил желание быть третьим «дольщиком журнала», наряду с Некрасовым и Панаевым, но встретил отказ. Объяснялся он тем обстоятельством, что дни Белинского, как это было ясно для всех, уже были сочтены и введение его в «дольщики» неизбежно привело бы к тому, что после смерти критика пришлось бы иметь дело с его наследниками — людьми не литературными, а кроме того по своим моральным качествам не слишком желательными в качестве «дольщиков» журнала. Положение усложнилось тем, что при объяснениях с Белинским Некрасов лишен был возможности говорить с ним вполне откровенно, ибо, щадя Белинского, никогда не решился бы сослаться на основную причину отказа. Белинский очень болезненно переживал конфликт с Некрасовым. Некрасову, чувствовавшему себя в своем общественном и литературном развитии бесконечно многим обязанным Белинскому, также было не легко. Но пойти в этом вопросе на уступки он не мог, между прочим, еще и потому, что финансовая база журнала не отличалась прочностью. Ее составили взносы Панаева и самого Некрасова, причем Некрасову, чтобы сделать свой взнос, пришлось занять деньги у жены Герцена. Тяжелым бременем на журнале лежала выплата как следуемой собственнику «Современника» Плетневу аренды, так и жалования Никитенко. Смертельно больной и остро нуждавшийся Белинский, в свою очередь, стоил журналу очень дорого. Некрасов, не решавшийся ввести Белинского в число «дольщиков», не жалел денег на выдачу ему весьма крупных сумм. Вообще материальные условия работы Белинского в «Современнике» были несравнимы с теми, которые он имел в журнале Краевского. Некрасов сдержал обещание, данное им Белинско-

му еще в 1846 г., при самом начале «Современника»: «Мы предложим вам условия самые лучшие, какие только в наших средствах».

Если благодаря «Современнику» существенно улучшилось материальное положение Белинского, то и моральная обстановка его работы в этом журнале не имела ничего общего с обстановкой его работы в «Отечественных Записках». Вот что говорит об этом сам Белинский: «Я был спасен «Современником»... Без журнала я не мог бы существовать. Я почти ничего не сделал нынешний год для «Современника», а мой 8 тысяч давно уже забрал. Поездка за границу, лишившая «Современник» моего участия на несколько месяцев, не лишила меня платы. На будущий год я получаю 12 тысяч — кажется, есть разница в моем положении, когда я работал в «Отеч. Записках». Но эта разница не оканчивается одними деньгами: я получаю много больше, а делаю много меньше. Я могу делать, что хочу. Вследствие моего условия с Некрасовым мой труд более качественный, нежели количественный; мое участие более нравственное, нежели деятельное... Не Некрасов говорит мне, что я должен сделать, а я уведомляю Некрасова, что я хочу или считаю нужным делать» (письмо Белинского к Боткину от 4—8 ноября 1847 г.).

Возникший между Некрасовым и Белинским конфликт был устранен в результате взаимных объяснений, и их отношения остались дружескими.

Изучая историю «Современника» в ее начальный период, нельзя не удивляться тому поистине бесчисленному количеству разнообразных, подчас сопряженных с трудными хлопотами дел, которые пришлось выполнять Некрасову. Панаев был слишком легкомыслен, Никитенко — слишком официален, Белинский — слишком болен, чтобы Некрасов мог особенно рассчитывать на их помощь. В результате вся основная тяжесть работы по изданию журнала падала на него, и занятость его в эту пору поистине не имела границ и пределов. А тут еще постоянные денежные нехватки, которые нечем было покрывать, но во что бы то ни стало нужно было покрывать. Лишь благодаря столь напряженной работе и проявленной в ней поразительной энергии, трудоспособности и практической сметке смог Некрасов преодолеть ряд, казалось бы, непреодолимых трудностей. В результате в течение какого-нибудь одного года он выдвигает «Современник» на первое место в ряду тогдашних журналов. Несмотря на крайнее переутомление (Белинский был даже убежден в неизбежности близкой смерти поэта), Некрасов, однако, не мог позволить себе паузы и отдыха. Ход событий ставил перед ним все новые и новые задачи.

Умирает Белинский. «Современник» лишается своей само крупной литературно-идеологической силы. Некрасов озабочен вопросом, как возместить для журнала эту, по существу, невозместимую потерю.

Смерть Белинского совпала с началом «мрачного семилетия» николаевской реакции (1848—1855 гг.).

В эти годы неистовств цензурных и политических репрессий и вызванной ими деморализации общества положение «Современника» было чрезвычайно тяжелым. Журнал страдал не только от непосредственных ударов цензуры. В стране, придавленной чудовищным гнетом политической реакции этих лет, казалась, иссякал самый источник, питавший журнал. В эти годы писали мало и неохотно. «Нечего печатать», «нет материала» — вот лейтмотив многих писем Некрасова этого периода. Резко снизилась подписка. Материальное положение «Современника» сделалось до крайности шатким и непрочным. Нечем было платить и за бумагу, и в типографию, не говоря уже о гонорах сотрудникам. Приходилось прибегать к постоянным займам. «Современник» не выходил из долгов.

Все эти трудности Некрасову приходилось преодолевать почти что одному. Около него не было людей, которые могли бы помочь ему в его борьбе за существование журнала, более того, не было людей, которые

могли бы оказать ему моральную поддержку. Панаев по своему характеру не мог быть особенно полезным ни в одном из этих отношений.

Только со вхождением Н. Г. Чернышевского, а потом и Н. А. Добролюбова в число постоянных, а затем и руководящих сотрудников «Современника» Некрасов почувствовал, что ему есть на кого опереться. Однако чуть ли не с первых статей Чернышевского против него ополчились наиболее влиятельные сотрудники «Современника», примыкавшие к либерально-дворянской группе. Некрасов оказался в трудном положении. Для него было ясно, что в лице Чернышевского, а затем Добролюбова он нашел сотрудников, могущих стать достойными преемниками Белинского, применительно к новым условиям общественного развития. Но, с другой стороны, Некрасов понимал, что журналу будет трудно обойтись без сотрудничества таких писателей, как Тургенев и Толстой, Боткин и Анненков и других, примыкавших к умеренно-либеральной группе сотрудников журнала. К тому же с некоторыми из них, — в особенности это относится к Тургеневу и Боткину, — Некрасов был связан узами личной и многолетней дружбы.

Однако, в начавшейся внутри «Современника» борьбе Некрасов не поколебался решительно связать судьбу журнала, а вместе с тем и свою собственную литературно-общественную судьбу, с Чернышевским и Добролюбовым, с революционной демократией.

Настойчивые попытки Тургенева, Боткина и других добиться от Некрасова замены Чернышевского на его посту боевого публициста и критика журнала то Дружининым, то Ап. Григорьевым неизменно терпели неудачу. Когда летом 1856 г. Некрасов получил от Толстого письмо, полное резких нападок на Чернышевского, он ответил ему замечательными словами, показывающими, что его позиции во все более обострявшейся идейно-политической борьбе эпохи полностью определились. «Особенно мне досадно, — писал Некрасов Толстому (22 июля 1856 г.), — что вы так браните Чернышевского. Нельзя, чтобы все люди были созданы на нашу колодку... Вам теперь хорошо в деревне, и вы не понимаете, зачем злиться. Вы говорите, что отношения к действительности должны быть здоровыми, но забываете, что здоровые отношения могут быть только в здоровой действительности. Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости, — у нас ли мало к ней поводов? И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, — т. е. больше будем любить — любить не себя, а свою родину...»

И как бы в подтверждение своей полной солидарности с Чернышевским и своего безграничного доверия к нему Некрасов через какие-нибудь две недели после этого письма полностью передает Чернышевскому редакторские права по «Современнику» на время своей поездки за границу для лечения. «Передаю Вам мой голос во всем... так, чтобы ни одна статья в журнале не появлялась без Вашего согласия».

После возвращения Некрасова летом 1857 г. в Россию и последовавшего затем вхождения Н. А. Добролюбова в число постоянных сотрудников, а с начала 1858 г. — в число редакторов «Современника», борьба между революционно-демократической и либерально-дворянской группами в журнале возобновилась с новой силой и, принимая все более острые формы, закончилась полным разрывом Тургенева и его единомышленников с «Современником».

Подробно об обстоятельствах этого знаменитого разрыва, в частности о попытках Тургенева воспрепятствовать напечатанию в «Современнике» статьи Добролюбова «Когда же придет настоящий день?», мы говорим в другом месте⁷. Здесь же важно лишь подчеркнуть, что разрыв с Тургеневым и его идейными друзьями, — психологически оказавшийся очень трудным для поэта, — знаменовал, что в великой идейно-политической бит-

ЖУРАВЛИ ЛЕТАТ

Картина маслом А. С. Степанова, 1891 г.
Третьяковская галерея, Москва

ве эпохи, битве между революцией и реформами, материализмом и идеализмом, Некрасов решительно и бесповоротно примкнул к революционно-демократическому лагерю, возглавлявшемуся Чернышевским и Добролюбовым. Когда три Николая — Николай Некрасов, Николай Чернышевский и Николай Добролюбов, — образовав своего рода редакционный триумвират, стали полновластными вершителями судеб «Современника», — им удалось не просто поднять журнал, но и превратить его в подлинный идейный штаб всего движения «революционного натиска» (Ленин) шестидесятых годов. Авторитетность, влияние «Современника» этой поры, острая заинтересованность в нем людей эпохи наглядно демонстрируются и цифровыми данными, определяющими тиражи журнала за то именно пятилетие 1857—1861, которое характеризуется совместным участием всех членов триумвирата.

Если в первое десятилетие существования журнала (1847—1856 гг.) он печатался, примерно, в 2000—3000—3500 экземпляров⁸, то в указанное пятилетие тиражи его были таковы:

1857 г.	— 4000 — 4500 — 4300 экз. ⁹
1858 г.	— 4500 — 4900 — 4700 »
1859 г.	— 5500 — 5520 — — »
1860 г.	— 6600 — 6625 — — »
1861 г.	— 7125 — — — — »

Неуклонный рост тиража «Современника» происходил, как видим, несмотря на прекращение сотрудничества в нем Толстого (1858) и Тургенева (1860).

В накаленной общественно-политической обстановке «революционной ситуации» шестидесятых годов боевая публицистика и критика Чернышевского и Добролюбова были важнее и нужнее читателю, чем художественные произведения таких мастеров слова, как Толстой и Тургенев. И это хорошо понимал Некрасов.

С 1862 г. тираж «Современника» медленно, но неуклонно (за исключением 1863 г.) снижается, определяясь такими цифрами:

1862 г. — 6300 — 6000 — 5700 экз.

1863 г. — 6500 — — — — »

1864 г. — 6100 — 5610 — 5660 »

1865 г. — 6000 — 5000 — 4600 »

Объяснить это снижение не составляет труда: в ноябре 1861 г. умирает Добролюбов, летом следующего, 1862 г. арестовывается Чернышевский. «Современник» лишается двух своих крупнейших сотрудников и руководителей. Эти события происходят в обстановке все усиливающейся крепостнической реакции. Аресту Чернышевского предшествовала приостановка «Современника» сроком на 8 месяцев. Ходили упорные слухи, что с журналом Некрасова все уже кончено, что по истечении срока его приостановки правительство ни в каком случае не даст разрешения на его возобновление.

Для Некрасова в связи с этим вновь наступила страдная пора. Прежде всего нужно было добиться разрешения на возобновление журнала, а это было сопряжено с большими трудностями. Затем пришлось озабочиться сформированием новой редакции. А это тоже было очень нелегко. Два постоянных и крупных сотрудника — М. А. Антонович и Г. З. Елисеев — нашли себе за время приостановки журнала другую работу и не собирались возвращаться в «Современник». Некрасову пришлось затратить немало сил, чтобы убедить их изменить свое решение.

Приглашенный Некрасовым к участию в руководстве журналом Щедрин пробыл в составе редакции сравнительно недолго (1862—1864). Внутренние и все увеличивавшиеся трения с Антоновичем и Пыпиным, значительно поправившими в условиях наступившей реакции и недоблывавшими резкое щедринское слово в журнале, а также тяжелые цензурные условия до крайности раздражали сатирика. Обстановка в «Современнике» после удаления Чернышевского и смерти Добролюбова была неблагоприятной для дружной работы. А без внутреннего единства трудно было противостоять внешним ударам реакции. В результате всех этих обстоятельств Щедрин в конце 1864 г. вышел из редакции «Современника», сохранив, впрочем, дружественные отношения с Некрасовым.

Мы затруднились бы сказать, что Некрасов находился в очень добрых отношениях с прочими членами редакции возобновленного «Современника». Внутренней близостью — такой, какая существовала у Некрасова с Чернышевским и Добролюбовым, — эти отношения, конечно, не отличались.

При таких условиях «молодая редакция» «Современника» в 1863—1866 гг. не была в состоянии проводить с полной определенностью прежнюю революционно-демократическую линию. Наряду со стремлением Некрасова и Щедрина поддержать традиции Чернышевского у некоторых основных сотрудников чувствуется отход к либерализму (Пыпин) и народничеству (Елисеев). Общее снижение теоретического уровня передовой мысли, достигнутого Чернышевским, сказалось и в той ожесточенной полемике, которую вел «Современник» в 1864—1865 гг. с другим радикальным органом, благосветловским «Русским Словом».

Тем не менее, несмотря на то, что общее «понижение тона» в передовых общественных кругах, вновь придавленных крепостнической реакцией, не могло отчасти не коснуться и «Современника», некрасовский журнал и в эти годы (1863—1866) попрежнему стоял на самом левом фланге тогдашней печати, продолжая жестоко критиковать реакционеров и либералов, беспощадно срывая с них маски. В 1863 г. в журнале был опубликован роман Чернышевского «Что делать?», написанный в Петропавловской крепости. Появление его в печати вызвало ярость реакционеров всех мастей и недовольство либералов. Некрасов и Щедрин отдавали себе отчет

в риске, с которым было сопряжено для журнала печатание романа «государственного преступника», романа, в котором пропагандировались идеи революции, социализма и материализма. Тем не менее они не поколебались опубликовать его и тем самым надолго снабдить русское революционное движение документом огромной художественно-пропагандистской силы и значения.

Выстрел Каракозова 4 апреля 1866 г. в Александра II и последовавшая вслед за ним вакханалия полицейского и цензурного террора предопределили скорую гибель «Современника».

В 1867 г., едва оправившись от всего, что пришлось вынести и пережить в связи с запрещением «Современника», Некрасов вновь выступает в роли организатора большого журнала, который в известной мере был призван заменить погибший журнал.

Хотя с момента перехода «Современника» в руки Некрасова протекло свыше 20 лет, хотя за это время в социально-политической жизни страны произошли существенные перемены, хотя с сентября 1865 г. действовал новый закон о печати, упразднивший в отношении ряда изданий предварительную цензуру, — все же, решив вернуться на журнальное поприще, Некрасов вынужден был прибегнуть к старому, испытанному способу. Не сомневаясь, что власти не дадут ему разрешения на издание нового журнала, Некрасов задумал овладеть каким-либо из существующих изданий. Выбор пал на журнал его старого антагониста Краевского. Двадцать лет тому назад Краевский, в пылу полемики против ушедших из «Отечественных Записок» сотрудников, печатно заявлял: «Ни одна статья гг. Белинского, Панаева и Некрасова не будет напечатана в «Отечественных Записках» до тех пор, пока этот журнал издается нами». Сказавшемуся здесь враждебному отношению к будущим руководителям «Современника» и тем паче к самому «Современнику» Краевский не изменял никогда. В «Современнике» он видел не только счастливого конкурента, но и журнал враждебного ему общественно-политического направления. Так было... Но в 1867 г. дело приняло совершенно иной оборот. Краевский всецело был поглощен редакционно-издательской деятельностью в основанной им большой газете «Голос». «Отечественные Записки» его явно тяготили. Имея мало подписчиков, они тяжелым бременем ложились на его бюджет. Наконец, смерть Дудышкина (1866), которому он вверил редакцию журнала, оставила «Отечественные Записки» без редактора.

Будучи, как уже указывалось выше, типичным дельцом капиталистической складки, Краевский готов был передать свой журнал в руки деятеля враждебного лагеря, лишь бы это было для него выгодно в материальном отношении. Начавшиеся между Некрасовым и Краевским переговоры закончились заключением нотариального договора (8 декабря 1867 г.), удовлетворившего в конце концов обе стороны. Некрасов снова встал, хотя и не официально, во главе большого журнала, Краевский же был уверен, — и не ошибся в своей уверенности, — что «Отечественные Записки» обростут подписчиками и начнут приносить ему значительный доход.

Таким образом, второй раз Некрасову удалось вырвать журнал из рук представителя враждебного лагеря и водрузить над ним свое знамя. Плетневский «Современник» с его консервативными тенденциями не имел ничего общего с некрасовским «Современником»; точно так же и «Отечественные Записки» Краевского, являвшиеся в 50-е и 60-е годы органом крайне умеренного либерализма, не имели ничего общего с «Отечественными Записками» 70-х и 80-х годов под фактической редакцией Некрасова, а затем Щедрина. Овладение журналом враждебного направления являлось не просто удачей, но и большой общественной заслугой Некрасова. Демократическая мысль страны вновь получила журнальную трибуну. И хотя второму некрасовскому журналу не суждено было приобрести

начения «Современника» для новых исторических условий, «Отечественные Записки» сразу же заняли место наиболее передового журнала эпохи и сыграли в истории ее общественного, умственного и литературного развития подлинно выдающуюся роль.

III. НЕКРАСОВ-ЖУРНАЛИСТ И ЦЕНЗУРА

Характеризуя деятельность Некрасова как организатора журналов, останавливаясь на отдельных этапах его трудного журнального пути, — мы не один раз должны были ссылаться на факты цензурного воздействия на его журналы. Борьба с цензурой в их истории играла такую исключительную роль, что неизбежно должна была наложить сильнейший отпечаток на различные стороны журнальной деятельности Некрасова, более того, на его личность и творчество.

Когда в 1848 г. образ действий цензуры в отношении «Современника» принял исключительно агрессивный характер, это ни на ком из руководителей журнала не отразилось так, как на Некрасове.

Запрещение уже разрешенного к выходу «Иллюстрированного Альманаха» существенным образом подорвало финансовую базу журнала. Альманах был объявлен бесплатным приложением к «Современнику», и вот приложение, по неведомой для подписчиков причине¹⁰, не выходит в свет. Это, естественно, вызывает ослабление подписки, многие из подписавшихся считают себя жертвами обмана и предъявляют соответствующие претензии. В результате к материальному ущербу, понесенному журналом, присоединяется еще и моральный. А материальный ущерб был очень велик, ибо определялся не только ослаблением подписки, но и оказавшимися непроизводительными крупными расходами на издание «Альманаха». Изыскивать способы к покрытию этих расходов должен был, разумеется, Некрасов. И он это делал.

В том же 1848 г. цензура запрещает сразу шесть французских повестей, предназначенных для «Современника». Запрещен и большой роман Эжена Сю. В журнале нечего печатать. Чтобы спасти положение, Некрасов, по собственным словам, «пустился в легкую беллетристику и произвел, вместе с одним сотрудником, — роман в 8 частей и 60 печатных листов» (письмо к Тургеневу от 12 сентября 1848 г.). Однако этот роман — речь идет о романе Некрасова и Н. Станицкого (псевд. А. Я. Панаевой) «Три страны света» — оказалось не так-то легко провести в печать. Цензура собиралась и его запретить на том основании, что, представив начало романа, авторы не могли представить конца, ибо конец еще не был написан. Некрасову и Панаевой пришлось направить в цензуру особое письменное удостоверение¹¹ в том, что «порок в романе будет наказан, а добродетель восторжествует». Только тогда «Три страны света» начали печататься в «Современнике».

Чтобы объяснить со своими читателями по поводу их жалоб на ухудшение содержания журнала и указать на истинную причину этого ухудшения, редакция «Современника» решилась на смелый шаг. В рецензию на книгу Смарагдова «Руководство к средней истории», напечатанную в № 10 журнала за 1849 г., редакция ввела следующие слова: «Вы хотите новых романов, хотите ученых статей, хотите умных рецензий и критик? Но подумали ли вы хотя раз о положении вашей литературы, вашей журналистики? Кто нынче пишет? Нынче решительно век книгоненавидения...»

Выпад редакции не прошел ей даром. Над «Современником» нависла угроза запрещения. Некрасов и Панаев были вызваны в III Отделение и ожидали ареста¹². Происшедшее на приеме у шефа жандармов Некрасов впоследствии описал в стихотворении «Недавнее время». На этот раз

дело кончилось, впрочем, сравнительно благополучно. Но, когда оно начиналось, больше шансов было, что оно приведет к катастрофе. Ведь вызов Некрасова и Панаева происходил в 1849 г., в котором имела место расправа самодержавия с петрашевцами. Об общественной атмосфере, царившей в это время в Петербурге, Некрасов в запрещенной цензурой строфе того же «Недавнего времени» писал:

Помню я Петрашевского дело
Нас оно поразило, как гром,
Даже старцы ходили несмело,
Говорили негромко о нем.
Молодежь оно сильно пугнуло
Поседали иные с тех пор,
И декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор...

Но вот царство «террора» пошло на убыль. Смерть Николая I, неудачный исход Крымской войны, первые признаки начинающегося общественного подъема в стране несколько ослабили репрессивность режима. Однако цензурная практика попрежнему оставалась суровой.

В августе 1855 г. цензура искромсала одно из наиболее замечательных творений Толстого «Ночь в Севастополе» (первоначальное название рассказа — «Севастополь в мае»). Некрасов писал по этому поводу Толстому: «Возмутительное безобразие, в которое приведена ваша статья, испортило во мне последнюю кровь. До сей поры не могу думать об этом без тоски и бешенства» (письмо от 2 сентября 1855 г.).

В марте 1856 г. Некрасов предпринимает попытку отстоять в тексте «Очерков гоголевского периода русской литературы» несколько прочувствованных страниц, посвященных Чернышевским Белинскому. В обращении к цензору Бекетову Некрасов пишет: «Бога ради, восстановите вымаранные вами страницы о Белинском. Это слишком печальное действие, и я надеялся и надеюсь от врожденного вам чувства справедливости, что вы не будете гонителем беззащитного и долго поруганного покойника — хотя в том случае, где вам прямо не предписывает этого ваша обязанность. Нет и не было прямого распоряжения, чтобы о Белинском

АРТЕЛЬ РАБОЧИХ

Картина маслом И. П. Стефановского

Третьяковская галерея, Москва

не пропускать доброго слова, равно не было велено и ругать его. Отчего же ругать его могли и ругали, а похвалить считаете опасным?..»

В том же 1856 г. «Современник» едва не был закрыт за то, что в отсутствие Некрасова, лечившегося за границей, Чернышевский перепечатал из только что вышедшего собрания стихотворений Некрасова три наиболее острых в общественном отношении стихотворения — «Поэт и гражданин», «Забытая деревня» и «Отрывки из путевых записок гр. Гаранского».

В «либеральную» эпоху подготовки крестьянской реформы «Современник», ориентируемый Чернышевским на крестьянскую революцию, по-прежнему не имел полной свободы высказываний по основным социально-политическим вопросам тогдашней действительности. Это явствует из ряда фактов, в частности из бурной реакции правящих сфер на помещение в апрельском номере 1858 г. статьи «О новых условиях сельского быта», в которой отстаивалась идея освобождения крестьян с землею, тогда как крепостники ратовали за освобождение крестьян без земли.

К весне 1859 г. относится отказ цензурного ведомства на ходатайство Г. С. Буткевича (зятя Некрасова, за спиной которого стоял сам Некрасов) разрешить ему издание «сатирической газеты с карикатурами» — «Свисток». Однако редакция «Современника» нашла способ обойти запрещение властей и организовала при журнале, под тем же заглавием «Свисток», особый сатирический отдел, отданный Некрасовым в руки Добролюбова.

«В Петербурге цензура свирепствует... перетурка идет страшная; «цензура становится все хуже»; «наблюдение за «Современником» усилено»; «наши дела здесь идут плоховато: крутой поворот ко времени докрасному совершается быстро, и никто не может остановить его», — вот как характеризует Добролюбов «либеральную цензуру» эпохи реформ осенью 1859 г. в письмах к друзьям. А «маститый» А. В. Никитенко, уже давно дослужившийся до генеральского чина и занимавший один из руководящих постов по цензурному ведомству, с горечью констатирует, что «государь оказывается сильно нерасположенным к литературе. Все благородные, разумные и справедливые доводы министра¹³ в защиту ее не произвели большого впечатления на ум его, предубежденный ревнителями молчания и бессмыслия».

Неудивительно, при таких условиях, что цензурный пресс все сильнее и сильнее давил на «Современник». В связи с заменой цензора Бекетова цензором Рахманиновым Чернышевский писал Добролюбову: «Рахманинов воображает себя порядочным человеком, но он — глупая скотина. Напрасно вы с Некрасовым защищали его прежде. Ну их к чорту всех от Ковалевского до Рахманинова, проходя через Делянова¹⁴ и уже не говоря о Медеме¹⁵: все до одного скоты...»

В особенности трудно пришлось «Современнику» в конце 1860 г. и в течение 1861 г., когда в связи с проведением крестьянской реформы, вызвавшей острое недовольство крестьянских масс, в стране создалась революционная ситуация. Цензурные придирки к «Современнику» перешли теперь в настоящую травлю, которая в июне 1862 г. привела к приостановке журнала на восемь месяцев. Некрасову, как указывалось выше, с трудом удалось добиться разрешения на возобновление «Современника».

В весенних книжках журнала за 1863 год — мартовской, апрельской, майской — Некрасов, обманув бдительность цензуры¹⁶, напечатал роман Чернышевского «Что делать?» Как только цензура осознала свою оплошность, это вызвало настоящий пароксизм цензурного бешенства. Если в 1861 г. цензура исключала из «Современника» около 5 печатных листов ежемесячно, а за весь год исключила 56 печатных листов, то в 1863 г. общий объем цензурных вымарок достиг 76 печатных листов! Это со-

ставляло 6 $\frac{1}{3}$ п. л. в месяц. Однако из общего количества цензурных вымарок на первые пять месяцев 1863 г. падает всего 20 п. л., или в среднем по 4 п. л. ежемесячно, а на последние 7 месяцев — 56 п. л., или в среднем по 8 п. л. ежемесячно.

Жестоко теснила цензура некрасовский журнал и в 1864 г., очевидно не без влияния «каторжного приговора», вынесенного сенатом Чернышевскому. Не забудем, что в этом приговоре один из основных абзацев был посвящен чрезвычайно отрицательной оценке журнальной деятельности Чернышевского и ее влияния на молодежь. Сенат обвинял Чернышевского в том, что он, будучи «одним из главных сотрудников журнала «Современник», со всею злою волей посредством сочинений своих развивал материалистические в крайних пределах и социалистические идеи... и, указывая в ниспровержении законного правительства и существующего порядка средство к осуществлению вышеупомянутых идей, был особенно вредным агитатором». Некрасовскому журналу, таким образом, предьявлялось обвинение в том, что он был трибуной «особенно вредного агитатора». Некрасов понимал, что существование его журнала висит на волоске, и не ожидал особых перемен к лучшему даже от нового закона о печати, упразднившего предварительную цензуру.

И действительно, едва только осенью 1865 г. был введен в действие новый закон, то установленные им меры воздействия на печать, в частности предостережения, посыпались на «Современник», как из рога изобилия¹⁷. Создалось положение чуть ли не худшее, чем при предварительной цензуре, ибо существование этой последней в известной, — разумеется, очень относительной, — мере все-таки гарантировало журнал от репрессий, перекладывая значительную часть ответственности на цензора, разрешившего ту или иную статью, тот или иной номер журнала к печати. Теперь же ответственность всей своей тяжестью пала на редакцию журнала.

Вот почему, приступая после закрытия «Современника» к изданию нового журнала, «Отечественных Записок», Некрасов стал думать о замене официальной предварительной цензуры (упраздненной) — цензурой неофициальной. Это ему удалось достичь, войдя в соглашение с некоторыми чиновниками Главного управления по делам печати и Цензурного комитета, которые взяли на себя обязанность просматривать материал, предназначенный к помещению в журнале, и предупреждать о желательности исключения той или другой статьи, как могущей вызвать объявление предостережения или судебное преследование¹⁸.

Однако примененный Некрасовым способ борьбы за журнал, смягчая и ослабляя силу цензурных ударов, не мог оградить его от постоянных, временами очень чувствительных, цензурных взысканий.

Среди них следует выделить объявление «Отечественным Запискам» летом 1872 г. первого предостережения. В официальной мотивировке его указывалась статья «Наша общественная жизнь» (Н. Демерта), как содержащая в себе «резкое порицание недавно изданных законов о народном просвещении», т. е. протестовавшая против реакционной реформы средней школы, проводившейся гр. Д. А. Толстым. Однако обследование относящихся сюда материалов приводит к убеждению, что предостережение было вызвано не только статьей Демерта, но и некоторыми другими статьями, например, откликами «Отечественных Записок» на «Нечаевское дело», привлечшими внимание самого III Отделения.

В 1874 г. «Отечественные Записки» подверглись особо суровой репрессии: 8220 экземпляров майского номера были задержаны в типографии, а затем уничтожены. Репрессия эта была мотивирована предосудительным содержанием ряда статей, а особенно статьями Михайловского, Успенского, Салтыкова-Щедрина и Кроткова¹⁹.

Таким образом, существование второго некрасовского журнала так же, как и первого, неизменно протекало в напряженной цензурной обстановке. Цензура не переставала держать «Отечественные Записки» под угрозой репрессий и часто прибегала к ним. И если, тем не менее, «Современник» и «Отечественные Записки», последовательно проводившие пропаганду идей, враждебных самодержавию и реакции, держались целыми десятилетиями, то лишь потому, что Некрасов создал, по выражению Михайловского, целую систему «щитов и громоотводов» вокруг своих журналов и чрезвычайно эффективно пользовался ими. Постоянная, напряженная и принципиальная борьба Некрасова с царской цензурой, упорство и энергия, проявленные им на этом участке журнальной борьбы,— одна из неоспоримых общественных заслуг поэта.

IV. НЕКРАСОВ — РЕДАКТОР-ИЗДАТЕЛЬ

В своих воспоминаниях Михайловский пишет о Некрасове: «Для меня нет никакого сомнения в том, что на любом поприще, которое он избрал бы для себя, он бы был одним из первых людей, уже в силу своего ума...» Если тем не менее «он выбрал литературу», так это «потому, что любил ее», если «в литературе выбрал известное направление», так это «потому, что верил в него»²⁰.

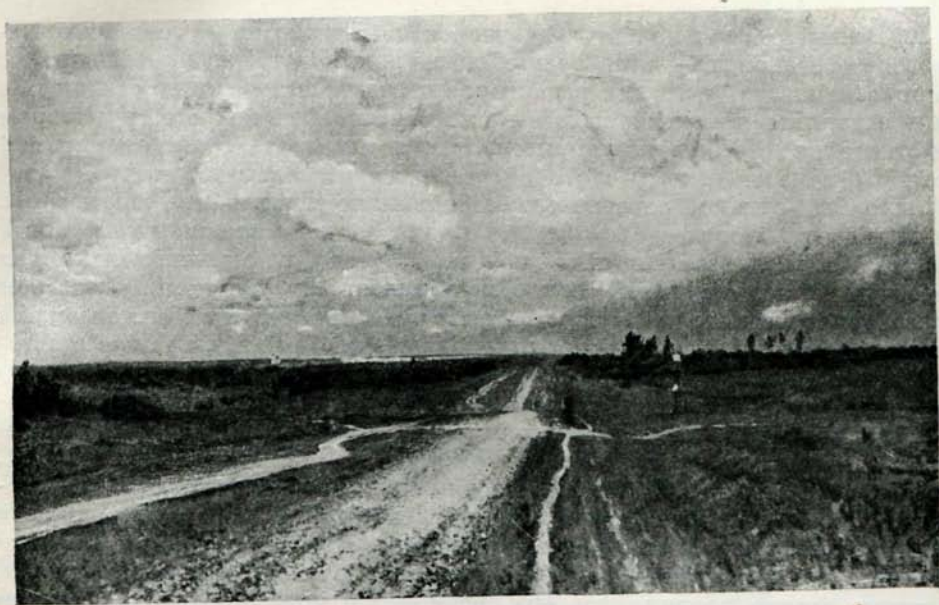
«Одним из первых людей» стал Некрасов и на «поприще» редакторско-издательского дела. О Некрасове мало сказать, что он был хорошим редактором журнала. Он был редактором «идеальным». Так именно характеризует его М. А. Антонович: «Некрасов был идеальным редактором-издателем и довел свой журнал «Современник» до почти идеального совершенства»²¹. Такова же точка зрения П. М. Ковалевского. «Лучшего редактора,— пишет он,— чем Некрасов, я не знал, едва ли даже был у нас другой такой же. Были люди сведущее его, образованнее, Дружинин, например; но умнее, проникательнее, умелее его в сношениях с писателями и читателями не было никого»²².

Таковы отзывы даже тех сотрудников Некрасова по журналу, которые вовсе не принадлежали к числу его больших доброжелателей.

Выдающиеся качества Некрасова как редактора и руководителя журнала с наибольшей яркостью проявлялись в его редкой проникательности и критическом чутье. Некрасов почти не знал ошибок при подборе сотрудников. Мы уже говорили, как быстро и решительно он действовал, привлекая к сотрудничеству в «Современник» таких людей, как Чернышевский и Добролюбов, только что начавших свою литературную работу. Но и в писателях среднего, даже малого дарования Некрасов умел угадывать те их качества, которые могли быть, если не сразу, то в будущем, существенно полезны «Современнику» или «Отечественным Запискам».

Как редактор, Некрасов превосходно понимал, что привлечь нужного и полезного сотрудника,— это значит сделать только половину дела. Сотрудник только тогда сумеет проявить все свои положительные качества, когда для его работы будет создана максимально благоприятная обстановка. Некрасов и хотел и умел создавать эту обстановку. Прежде всего он стремился поставить сотрудников своих журналов в возможно лучшие материальные условия. А затем, привлекая к сотрудничеству людей, в которых он был уверен, на которых он мог положиться, как на людей определенного, близкого его собственному, образа мыслей, он предоставлял им широкую свободу.

Вот что, например, говорит об этом Елисеев: «В «Современнике»... набирались подходящие к направлению журнала сотрудники, им предоставлялось писать в каждый данный момент, что им бог на душу поло-

ВЛАДИМИРКА

Картина маслом И. И. Левитана, 1892 г.

Третьяковская галерея, Москва

жит. Никто не следил ни за мыслями ни за фразами. Иногда казалось, что точно редакторы не читают никаких статей в своем журнале, а между тем само собой выходило все ладно. Почему? Да потому, что в журнале главным образом и нужно, чтобы все говорили в одно, не только удачные фразы, но и неудачные, т. е. слабые, целые статьи, если только они бьют в одну цель, в общем несколько не вредят делу. Сделавшись редактором «Отечественных Записок», Некрасов остался к ним в таких же отношениях, в каких был и к «Современнику». Человек от природы несомненно умный, с сильно развитым эстетическим и критическим чутьем, он ограничивался выбором подходящих сотрудников и предоставлял делу идти, как оно могло идти, не подражая тем малоопытным и неисккусным кучерам, которые без толку дергают лошадей и мешают им идти спокойно и ровно»²³.

О том же пишет Ковалевский, оттеняя попутно деликатность Некрасова, который не только «никогда не позволял себе вмешиваться» в деятельность главных сотрудников, «но и составителя фельетона он оставлял самостоятельным... До лирических же стихотворений этот первый поэт своего времени никогда не позволял себе дотронуться...»²⁴.

Михайловский, в полном соответствии с приведенными отзывами, указывает на умение Некрасова «ценить даровитых людей и верить им», на его в высшей степени внимательное отношение к молодым писателям, соединенное, однако, с неизменным стремлением развить в них самостоятельность: «когда молодой сотрудник сколько-нибудь оперялся, он предоставлял его самому себе»²⁵.

Из сказанного видно, что в основе отношения Некрасова к сотрудникам, кроме доверия, естественным образом вытекавшего из того, что выбор их в огромном большинстве случаев был сделан им самим и что это были литераторы одного с ним направления, — лежало также свойственное ему отсутствие ложного самолюбия.

«... В нем не было мелкого редакторского самолюбия, — говорит о Некрасове Антонович, — или, лучше сказать, амбиции, развитой сильно, до болезненности, у других редакторов и издателей»²⁶; он не считал для себя зазорным признать свою некомпетентность в вопросе, в котором действительно не был компетентен, или подчиниться общему решению, хотя бы и несогласному с его собственным взглядом на вопрос.

Было бы, однако, совершенно неправильно заключить, основываясь на приведенных свидетельствах, что Некрасов не имел сильного и, когда нужно, решающего влияния на дела журнала, ступившаяся перед чересчур настойчивыми и самостоятельными сотрудниками. Подобной опасности для него не существовало уже потому, что с его огромным авторитетом крупнейшего и популярнейшего поэта эпохи, а также с авторитетом опытного журналиста, сотрудники считались помимо всякого редакторского давления. С другой стороны, принятая Некрасовым политика допустимых, с его точки зрения, уступок должна была, в свою очередь, сбивать иных сотрудников с их чересчур непримиримых позиций. Весьма характерным в этом отношении является свидетельство Антоновича: «И сотрудники, со своей стороны, столь же просто, благодушно и внимательно относились к замечаниям, возражениям и протестам Некрасова, принимая их без всяких обид и самолюбивых неудовольствий. и также охотно подчинялись его решениям и уступали его настояниям в тех случаях, когда он был компетентен и прав. Но и в таких случаях он никогда не прибегал к своей редакторской власти, а действовал убеждением, урезониванием. Если он находил статью неудовлетворительной, неуместной и неловкой, то обыкновенно говорил автору: «Если вы настаиваете и непременно хотите напечатать статью, то я против этого ничего не имею, особенно, если вы подпишете ее полной фамилией, но вы примите в соображение, что скажут наши противники, что подумает публика, какие возможны перетолкования» и т. д. Слушаешь бывало такие резоны и возражения Некрасова, человека и редактора многоопытного, прекрасно знавшего и читателя, или, как он всегда выражался, подписчика, и литературных соперников, и преобладающую власть над печатью, — и невольно согласишься с ним, сдашься на его убеждения. Вследствие его резонов и возражений я не одну свою статью, уже набранную, брал назад и разрывал. То же случалось, например, и с Салтыковым»²⁷.

И не в одной только сфере чисто редакционных вопросов, сводящихся очень часто к тому, печатать ли статью полностью, или внести в ее текст изменения и сокращения, или же вовсе ее не печатать. — Некрасов умел влиять на сотрудников. В 60-е годы он являлся для большинства демократической литературной молодежи, группировавшейся вокруг «Современника», живым воплощением лучших традиций русской литературы, тесно связанных с именем Белинского. Пыпин утверждает, что если в реакционный период 1848—1855 гг. «завет Белинского» не иссяк совсем в «редакционном кружке «Современника», то это, главным образом, благодаря Некрасову, который «вернее всех остальных... успел понять и сохранить предание Белинского, несмотря даже на то, что в кружке влиятельным лицом был самый давний и близкий друг Белинского — В. И. Боткин»²⁸.

Видя, подобно Пыпину, в лице Некрасова «верного хранителя» «заветов» Белинского, литературная молодежь проникалась к нему особенным уважением. Некрасов, со своей стороны, не упускал случая путем «задушевных бесед» восстанавливать, сколько было в его силах, ослабевшую во вторую половину царствования Николая I преемственность литературно-общественной традиции, идущей от автора «Письма к Гоголю». Весьма интересно в этом отношении нижеследующее признание Антоновича, высказанное в период наиболее обостренного и враждебного его

отношения к поэту: «...я благодарю вас за те душевные беседы, в которых, между прочим, вы с таким жаром, одушевлением, любовью, даже восторгом говорили о людях, которые были дороги нам и которым принадлежала вся наша любовь. Действительно, чрезвычайно приятно было видеть в вас, в человеке известного поколения, которое враждебно, и, в лучшем случае, недоверчиво относилось к новому времени, столько юношеского жара и увлечения первыми представителями и руководителями этого времени»²⁹.

Приведенные факты относятся к редакторской работе Некрасова в «Современнике». Подобным же образом шло дело и в «Отечественных Записках». Михайловский констатирует необычайно внимательное отношение Некрасова к начинающим писателям, с которыми он охотно беседовал, «давая им разные советы»; «нельзя было при этом, — продолжает Михайловский, — не любоваться его умом. Он отлично знал пробелы своего образования и никогда не старался их скрыть. Но даже по поводу статей о совершенно незнакомых ему предметах у него находилось умное слово, заимствованное из его огромной житейской и журнальной опытности»³⁰.

В отношении литературной молодежи, группировавшейся вокруг его журналов, Некрасов был не только внимательным, благожелательным и, наконец, щедрым редактором, но и своего рода наставником, пользовавшимся своим авторитетом, чтобы указать молодежи дорогу как в деле совершенствования своих сил и способностей, так и в деле общественного служения.

Некрасов подавал своим журнальным сотрудникам также пример редкого трудолюбия и поразительной работоспособности. С полным правом он мог сказать о себе:

Праздник жизни — молодости годы —
Я убил под тяжестью труда,
И поэтом, баловнем свободы,
Другом лени — не был никогда.

Все вышесказанное с достаточной полнотой объясняет, почему так спорилось дело в редакциях издаваемых Некрасовым журналов. А что оно спорилось, на это существуют многочисленные свидетельства. «Несмотря на многочисленность редакции «Современника», — говорит Антонович, — она действовала вполне успешно; литературные дела журнала шли плавно, без запинок и неудач»³¹. То же утверждал и Пыпин. «В редакции «Современника», — сообщает он, — журнальная работа шла вообще очень дружно, и тогда, когда действовал в ней прежний кружок, и когда после разрыва Тургенева с Некрасовым вступила в журнал новая группа лиц, также более или менее связанных общими взглядами и стремлениями. В обоих положениях журнала главным связывающим звеном был Некрасов»³². «Редакционные дела «Отечественных Записок», — констатирует Михайловский, — шли точно сами собой, точно никто ничего и не делал, тогда как в действительности все много работали; какие-нибудь пререкания были чрезвычайной редкостью»³³. Ковалевский, отмечая все ту же гармонию между Некрасовым и его сотрудниками, набрасывает следующую, не лишенную насмешливых ноток картину: «Редакция руководилась им неуклонно, как оркестр хорошим капельмейстером. Так, как хороший капельмейстер набирает хороших музыкантов и, убедившись в их умении делать свое дело, требует должного внимания к движениям своей палочки, так и Некрасов умел подобрать сотрудников, которым довольно было сказать: «отцы, маленечко потише»... или «приударить позволяется, отцы — валяйте», и редакционный оркестр исполнял литературные симфонии и фуги, каких в других редакциях не исполнялось»³⁴.

Издавая журналы с определенной социально-политической программой, Некрасов не мог не понимать, что сила их влияния на общество зависит, в значительной степени, от последовательности и согласованности их политического содержания и верности избранному направлению. Как редактор Некрасов был очень требователен и принципиален в поддержании единства и чистоты направления своих журналов. Об этом свидетельствует хотя бы история его конфликта с Полонским в 1874 г.

26 февраля 1874 г. Полонский был у Некрасова и одновременно с похвалами своей новой поэме «Келиот» выслушал категорический отказ ее напечатать. Этот отказ сильнейшим образом поразил впечатлительного и вспыльчивого Полонского. На следующий день он написал Некрасову длинное письмо. В начале его Полонский говорит, что ему было бы приятнее, если бы Некрасов отказал в помещении его поэмы, признав ее «никуда негодной». — «Я тогда понял бы, — продолжает он, — что если в другой раз напишу что-нибудь такое, что вам понравится, Вы меня отбросите и на зло всяким Б... поместите мой труд на страницах вашего журнала. Теперь и этой надежды я иметь не могу, так как навсегда останусь самим собой, всегда буду независим от всяких предвзятых идей, от всяких журнальных направлений и проч. и проч., — значит, труды мои для вас навсегда потеряны... Не Ваших сотрудников, Вас я избрал судьей трудов моих. Вы похвалили мой труд, и чем искреннее Ваша похвала, тем грустнее мне за Вас и за Вашу свободу».

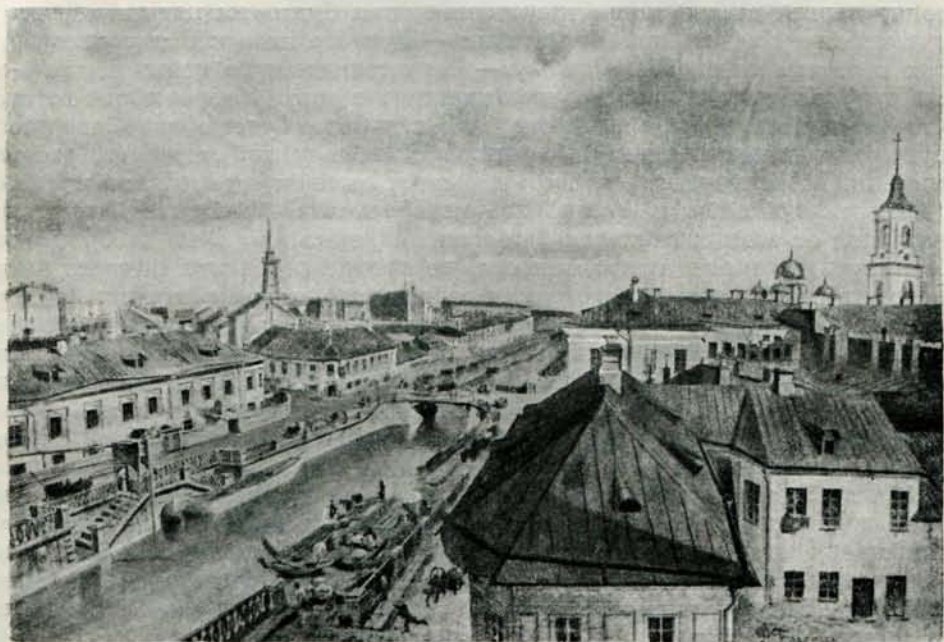
Таким образом, Полонский упрекнул Некрасова в том, что он насилует себя и свой вкус из угождения тенденциозно настроенным сотрудникам. Некрасов немедленно ответил на это обвинение. Его ответное письмо не сохранилось. Однако содержание некрасовского ответа совершенно ясно: Некрасов указал Полонскому на то, что не сотрудники, а он сам считает немыслимым его участие в «Отечественных Записках» на том основании, что Полонский находит для себя возможным сотрудничать в махрово реакционном «Русском Вестнике».

Обзор редакционной деятельности Некрасова будет не полным, если не остановиться на той стороне ее, которая обнимает редактирование в узком значении этого слова. Мы относим сюда, с одной стороны, распределение материала, с другой, редакторскую корректуру статей. Распределение материала имеет большое значение в журнальном деле, при ведении которого приходится руководствоваться разнообразными, в том числе и коммерческими, расчетами; в силу этих последних статьи, находящиеся в портфеле редакции, распределяются не только сообразно разным сезонам в году, но даже сообразно известным месяцам в этих сезонах.

Елисеев, бывший соредактором Некрасова в двух журналах, проработавший с ним рука об руку около 18 лет, утверждает, что «в искусстве такого распределения статей по сезонам и месяцам Некрасов был самым опытным из редакторов»³⁵. Этого же мнения держится и Ковалевский. «Отношение к календарю, — говорит он, — было у Некрасова самое холодное; ему не было никакого дела до первого числа, если тридцатого попадалась живая статья или материал для нее, — первое число могло случиться хотя бы и 15-го». «Книжка должна свежим человеком выйти в свет, — говаривал он. — И жаркое то хорошо, которое с пылу; зажаренное за полчаса не годится». Зато при нем книжки журнала, в самом деле, были живыми. Не тем, так другим способом, он вдыхал в них жизнь. Когда воздвигались строгости цензурные, он находил средство «не кормить сеном», как выражался, и пускал в ход прибереженные про черный день связи с писателями-эстетиками, или прибегал к тем скучным, но цензурно невинным повестям, которые «читатель любит» как глубокомысленные, и к ученым статьям «повеселее». Это все-таки было не сеном и могло сходить за посредственный овес. впредь до возможности всыпать хороший»³⁶.

О том, какое большое значение придавал Некрасов правильному, глубоко обдуманному распределению материалов для каждой книжки журнала, можно судить хотя бы по переписке его с Чернышевским, сплошь заполненной относящимися сюда фактами и соображениями³⁷.

В этой переписке, как и вообще в переписке Некрасова, которая в большинстве своем посвящена журнальным делам, содержится огромное количество критических суждений и критических оценок, поражающих своими глубиной и меткостью. Учитывая эти черты Некрасова, Елисеев имел достаточные основания сказать, что «никто лучше его не мог оценить значения каждой мысли, являющейся в литературе», и что «он был лучшим критиком для всех статей, которые помещались в его журнале»³⁸.

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ КАНАЛ
Акварель Ф. Баганца, 1860-е гг
Русский музей, Ленинград

И если, несмотря на это, Некрасов избегал критиковать статьи главных сотрудников журнала, а тем более категорически настаивать на их переделках и изменениях, то он делал это по соображениям глубоко принципиальным: ему не хотелось создавать каких-либо трений в отношениях с людьми, которым он доверял, с которыми был солидарен в главном и существенном, которые шли с ним рука об руку к одной и той же цели, тем более, что редакционный кружок его журналов был настолько тесным и спевшимся, что случаи представления кем-либо из его сочленов статей, способных вызывать более или менее существенные возражения, являлись большой редкостью. Это не мешало Некрасову в тех случаях, когда он считал это нужным, высказывать критические суждения о статьях даже наиболее влиятельных сотрудников журнала. Интересен в этом отношении эпизод, рассказанный и документально подтвержденный Антоновичем.

В своей статье «В изъявление признательности. Письмо к г. З-ну» Чернышевский, оспаривая мнение З-на, утверждавшего, что он, Чернышевский, во всех отношениях выше Добролюбова, высказал несколько мнений, с которыми Некрасов не мог согласиться. И вот, по прочтении корректуры этой статьи, Некрасов на ее полях делает ряд пометок, в которых его ум и критическое чутье сказались во всем блеске. Приводим текст этих пометок:

«1. Н. Г. В замеченных местах есть фразы, которые можно истолковать тем, что мы вас стесняли при вашем вступлении в наш журнал из почтения к авторитетам. Если это и так, то на Панаева рано и неуместно бросать подобную тень, да и мне, признаюсь вам, лично это не нравится. По крайней мере, Добролюбова я никогда не стеснял.

2. Дальше имена Тургенева, Толстого, Анненкова, Боткина производят в этой статье такое впечатление, как будто вы кадите мертвому с намерением задеть кадиллом живых.— Ругайте их в каких угодно других статьях, ни слова не скажу.— Вы имели добрую цель; но, во 1-х, вы преувеличили опасность, предстоящую памяти Добролюбова оттого, что Зарин поставил вас выше его, во 2-х, ужасно будет обидно, если пойдут трепать газетчики имя Добролюбова по поводу этой статейки. Поверьте мне, тон «Полемических красот» нейдет к строкам, где мы имеем целью защитить любимого и высоко ценимого человека. Скажу вам мое впечатление от этой статьи: в ней героем являетесь вы, а не Добролюбов. Я ничуть не против откровенности, не против заявления личного высокого или низкого мнения о самом себе, когда человеку пришла к тому охота; но охота-то пришла не во время, когда мы взялись защищать другого. И вдруг боязнь, чтобы кто не подумал, что «мы ценим себя низко», и на эту тему все заключение. Словом, эти прекрасные две страницы, посвященные вами себе, лучше бы поместить в другую статью.— Однако я должен сказать, что начал говорить только с целью сказать то, что у меня отмечено цифрою 1»³⁹.

Правила высказывать свое мнение прямо и откровенно, предоставляя в то же время сотрудникам поступать по-своему, Некрасов, как утверждает тот же Антонович, «держался всегда». Характерно, что как ни тверд, как ни самостоятелен был, вообще говоря, Чернышевский, однако он пошел в данном случае на уступки: место под № 1 было им изменено, в других местах сделаны значительные сокращения.

Не менее ярко ум, критическое чутье и литературный вкус Некрасова проявились в области оценки художественных произведений. Имеются многочисленные свидетельства того, насколько с его суждениями и оценками считались поэты и беллетристы, сотрудничавшие в его журналах. В свое время мы имели случай проанализировать с этой именно стороны его переписку с Я. П. Полонским, А. М. Жемчужниковым и Д. К. Гирсом⁴⁰. Последний сначала пытался спорить с Некрасовым, не соглашаясь с некоторыми из сделанных им исправлений в тексте его романа, но, в конце концов, в такой мере уверовал в его редакторскую опытность и критический такт, что готов был утверждать, что Некрасову достаточно будет «несколько прочитанных выдержек из его работы», чтобы решить, «пригодна ли она для „Отечественных Записок“ или нет».

О поразительном умении Некрасова писать, так сказать, с первого взгляда, оценивать пригодность для журнала присылаемых рукописей, свидетельствует и М. И. Писарев:

«Я не забуду той сцены, которой был свидетелем, сидя однажды в его кабинете. Перед Некрасовым лежала гора рукописей. Возьмет одну рукопись, посмотрит начало, заглянет, минуя несколько листов, в середину, пробежит конец, и рукопись летит в сторону. Ту же самую процедуру он проделал и со второй рукописью, с третьей и т. д.

— Что это вы делаете? — спросил я.

— Прочитываю присланный материал, — ответил Некрасов.

— Да разве можно судить о произведении при таком отрывочном чтении?

— А вот прочтите-ка сами и скажите: хорошо это или плохо?

Я прочел одну из брошенных в сторону рукописей, и действительно: содержание было плоховато»⁴¹.

Последнее, на чем следует остановиться для полноты характеристики редакторской деятельности Некрасова, это на его знании подписчика. Значительный опыт в этом отношении был приобретен Некрасовым уже в первой половине 40-х годов, когда им был издан ряд альманахов и сборников. По крайней мере, ко времени перехода в его руки «Современника» он лучше кого бы то ни было из своих друзей знал, чего хочет и чего ждет от журнала подписчик. Вот весьма характерный пример в этом отношении. В письме к Боткину от 29 января 1847 г. Белинский возмущается отсутствием такта у Некрасова, которое выразилось-де в том, что он не только не понял, но и позволил себе в неподобающем тоне отозваться о повести П. Н. Кудрявцева «Без рассвета», напечатанной в январской книжке «Современника». Менее чем через месяц Белинскому, однако, пришлось констатировать, «что повесть Кудрявцева никому не нравится», что она «не имела никакого успеха, откуда ни посмотришь — не то что бранят, а холодно отзываются» (письмо к Боткину от 17 февраля и к Тургеневу от 19 февраля 1847 г.). Таким образом, Некрасов, заботившийся, понятно, о том, чтобы первый номер «Современника» новой редакции был наиболее выигрышным, обнаружил в данном случае большую проныцательность, чем Белинский.

С течением времени знание им читательской психологии должно было возрастать и возрастать, и он, мало-помалу, приобрел необыкновенное умение популяризировать свой журнал в широких кругах читающей публики. Об употреблявшихся им в этих целях приемах дают представление воспоминания Колбасина и Ковалевского, из которых первый имеет, главным образом, в виду «Современник» 50-х годов, а второй — «Современник» 60-х годов.

По словам Колбасина, Некрасов отнюдь не пренебрегал внешними, так сказать, способами воздействия на читателей: он был «большим мастером на объявления об издании журнала», книжки «Современника» выходили в свет «в изящной обложке сиреневого цвета с картинкой «Парижских мод» и искусно подстриженными повестями, стихотворениями, переводными статьями. Эта модная картинка очень характерна. Когда какой-нибудь близкий знакомый Некрасова подшучивал над таким странным прибавлением к серьезному журналу, поэт говорил: «Нельзя, отец, иначе. Ведь я знаю, что только мне вздумается исключить из моего журнала эту чушь, то „Современник“ сразу лишится половины своих подписчиков. Я не виноват, что у русской публики такие вкусы; вот подождите, „Современник“ пустит корни поглубже, тогда мы выбросим этот сор»⁴². Это обещание было впоследствии исполнено. Но главную причину успеха, сопровождавшего издание «Современника», следует, разумеется, видеть не в этих внешних приемах воздействия на публику, а в том, что Некрасов, по словам того же Колбасина, постоянно считался с ее мнением, дорожил им подчас «гораздо более, чем суждениями записных и признанных знатоков поэзии и изящных искусств», и, наконец, чутко прислушивался к новым веяниям. так как «по своей прогрессивной натуре не мог держаться рутины и обветшалых традиций»⁴³.

Ковалевский, со своей стороны, отмечает «знание Некрасовым вкусов читателей», благодаря которому он «никогда не ошибался в выборе рукописей: „читаться будет“, — скажет и напечатает. Смотришь, читают

точно»⁴⁴. В результате редакторские таланты Некрасова, в связи с чувственным отношением общества к той программе, которую отстаивал «Современник», способствовали беспримерному успеху журнала. «Только звон „Колокола“ в Лондоне, — говорит Ковалевский, — в силах был покрывать собою „Свисток“ „Современника“, а руководящими статьями критическими, внутреннего обозрения и иностранной политики руководствовало чуть не всё, от мала до велика, читающее общество»⁴⁵.

Редакторская работа Некрасова неотделима от его издательской деятельности. Лучшими, в смысле надежности и объективности, материалами для ее характеристики являются документы, которые сохранились в архиве конторы «Современника».

Первое, что бросается в глаза при ознакомлении с конторскими книгами «Современника», это — широко практиковавшаяся Некрасовым система авансирования сотрудников, которая в конце концов привела к крайнему обременению журнального бюджета. Заведывающий конторой «Современника» И. А. Панаев в своих воспоминаниях говорит, что «многим деньги выдавались вперед, в счет будущих работ, на неопределенное время, без всякого соображения с финансовым состоянием журнала. На замечания мои, что деньги расходуются несвоевременно и ставят издание в затруднение, Некрасов часто говорил, что если денег журнала не хватит, то для необходимых потребностей издания он даст свои собственные деньги, что неоднократно и делал... Разумеется, при этом не мало сделанных выдач не было записано: он или действительно не припоминал их, или не хотел вспоминать, и я имею основание думать, что не одна тысяча рублей осталась незаписанной. Почти всякому обращавшемуся деньги выдавались вперед... Вообще выдачи денег из кассы „Современника“ делались в таких размерах, что у издателей ничего к концу года не оставалось... Резюмируя все, что было сказано мною касательно денежных отношений к литераторам „Современника“, я скажу, что таких лиц, из помещавших свои работы в журнале, которые не остались бы должными „Современнику“, очень мало, и что общая сумма долгов представляет крупную сумму»⁴⁶.

Картина, нарисованная в воспоминаниях И. А. Панаева, находится в полном соответствии с содержанием конторских записей и личных расписок, сохранившихся в архиве «Современника».

Вот несколько цифр, иллюстрирующих слова И. Панаева о задолженности большинства сотрудников «Современника». К 1 января 1864 г. долги сотрудников журналу достигли в своей совокупности нескольких десятков тысяч рублей. Из них наибольшие суммы приходились на долю Н. Г. Чернышевского (13 302 р. 78 коп.), Н. А. Добролюбова (5329 р. 25 коп.), Н. Успенского (2313 р. 55 коп.), Н. Г. Помяловского (1991 р. 17 коп.), Колбасина (644 р. 32 коп.), Григоровича (616 р. 50 коп.), Бекова (601 р.), Слепцова (522 р. 22 коп.), Дрианского (450 р.), Пыпина (417 р. 8 коп.) и т. д. Так как часть писателей не имела возможности вернуть журналу деньги по обстоятельствам, от них не зависящим (ссылка, смерть), то в 1864 г. Некрасов распорядился списать долги с этих лиц. По счету Чернышевского было, таким образом, списано 14 354 р. 53 коп. (долг самого Николая Гавриловича 13 302 р. 78 коп. + 1051 р. 75 коп., забранные с января по июнь его женой, Ольгой Сократовной); по счету Добролюбова 6169 р. 25 коп. (долг Николая Александровича по январь 1864 г. 5329 р. 25 коп. + 840 р., выданные в течение 1864 г. учителю Юрьеву на воспитание братьев Добролюбова) и т. д. В этом же году было списано в убыток по счету умершего соредатора и соиздателя Некрасова Ив. Ив. Панаева 19 361 р. 36 коп. (долг Ив. Ив. 17 388 р. 68 коп. + 1972 р. 68 коп. вспоможения, выданного его матери Марии Акимовне Панаевой); по счету его вдовы Авдотьи Яковлевны — 5280 р. Неудивительно при

таких условиях, что баланс 1864 г. пришлось свести с дефицитом в 19 643 р. 37 коп.

Уменьшение числа подписчиков на 1310 (в 1864 г. их было свыше 5000, а в 1865 г. осталось около 4000), при тех же расходах и продолжавшемся, хотя и не в таком масштабе, как в 1864 г., списывании в убыток долгов сотрудников, помешало «Современнику» улучшить свое материальное положение в следующем году: баланс 1865 г. был сведен уже с дефицитом в 23 307 р. 43 коп.

Система широкого авансирования сотрудников, ложившаяся тяжелым бременем на бюджет журнала, обязана была своим происхождением,

ПАМЯТНИК ПЕТРУ I И ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР В ПЕТЕРБУРГЕ

Картина маслом В. И. Сурикова, 1870 г.

Русский музей, Ленинград

главным образом, инициативе самого Некрасова. Об этом, кроме цитированных выше воспоминаний И. А. Панаева, свидетельствуют десятки собственноручных записок Некрасова к нему, служивших последнему оправдательными документами при ведении денежной отчетности.

Однако авансирование сотрудников не было единственным средством, к которому прибегал «Современник» в целях облегчения материального положения работавших в нем литераторов. Указание И. А. Панаева в его воспоминаниях на то, что «Николай Алексеевич предугадал много талантов и многим своевременным пособием в трудное время дал возможность развиваться»⁴⁷, — подтверждается документами его архива. Из этих документов видно, что из кассы журнала «производились постоянные ежемесячные содержания» некоторым лицам. К числу их относятся, между прочим, Н. Г. Помяловский, В. Слепцов, Н. Успенский и др.⁴⁸

Забота Некрасова о сотрудниках своих журналов видна также из размеров установленного им гонорара.

Вот сведения о полистной плате постоянных сотрудников «Современника» в конце 50-х годов. Известные беллетристы Островский, Толстой, Тургенев, Григорович, Салтыков-Щедрин, Потехин и В. И. Даль получали не менее 75 р. за лист, а нередко значительно больше. Так, Тургенев в 1856 г. получил 100 р. за лист (напр., за «Фауста», помещенного в № 10), в следующем, 1857 г. — 75 р. за лист (в № 3 была помещена его комедия «Чужой хлеб»), но зато имел долю в дивиденде. В 1858 г. Тургенев поместил в «Современнике» «Асю», за которую получил по 75 р. за лист. Но уже в 1859 г. ему был уплачен необычайно высокий по тем временам гонорар, в 4000 р., за «Дворянское гнездо» (в этой повести было менее 10 листов, таким образом Тургенев получил свыше 400 р. за лист).

Что касается Л. Н. Толстого, то он в 1857 г. за свою большую повесть «Юность» (9 л. 7 стр.) получил по 100 р. за лист, а за короткий, сравнительно, очерк «Из записок кн. Нехлюдова» — по 75 р. При этом надо заметить, что и Толстой, в свою очередь, пользовался в это время дивидендом.

Островский, также имевший право на получение дивиденда, как в 1857 г. (за комедию «Праздничный сон до обеда», в № 2), так и в 1858 г. (за комедию «Не сошлись характерами») получил по 100 р. за лист.

Салтыков-Щедрин дебютировал в «Современнике» в 1857 году рассказом «Жених» (в № 10), за который ему было уплачено по 100 р. за лист; а уже в 1859 году, когда материальное положение журнала улучшилось, он получил уже за «Развеселое житье» (№ 2) по 125 р. за лист. Очевидно, по той же причине и Потехину за этнографический очерк «Река Керженец» (№ 2) и за комедию «Новейший Оракул» (№ 3) было уплачено по 125 р. за лист.

Второстепенные беллетристы получали от 40 до 60 р. за лист.

Весьма важным в «Современнике» рассматриваемого периода являлся критико-библиографический отдел. В середине 50-х годов он находился всецело в руках Н. Г. Чернышевского. Его гонорар за статьи критические, библиографические и литературные, как, например, «Лессинг», определился в 1856 и 1857 гг. в 40 р. за печатный лист. В следующем году критико-библиографический отдел, по желанию самого Чернышевского, перешел к Добролюбову; Чернышевский же оставил за собой экономический и политический отделы. В связи с улучшившимся материальным положением журнала он уже получал по 50 р. за лист; по этой расценке была оплачена, например, его известная статья «О новых условиях сельского быта», в № 2, 1858 г. При суждении о размерах литературного заработка Чернышевского в «Современнике» 50-х годов надо иметь в виду, что уже в 1856 г. он заключил с Некрасовым условие, по которому ему назначалось постоянное жалование в размере 3000 р. в год за ведение определенных отделов журнала, чтение вторых корректур и за участие «в заготовлении материала и редакции журнала»⁴⁹. Подобное условие, но относящееся уже к 1858 г., было найдено нами в архиве конторы «Современника»; оно оставляло ту же сумму жалования, но полистный гонорар был повышен с 40 до 50 р.

Добролюбов, начавший свое сотрудничество в «Современнике» статьями о «Собеседнике» (№ 8 и 9, 1856 г.), получил за них по 30 р. за лист. Так же были оплачены его статья «Несколько слов о воспитании» (№ 5, 1857 г.), последняя из статей, помещенных в «Современнике» студентом Добролюбовым, и статья о сочинениях гр. Сологуба (№ 7, 1857 г.). С сентября месяца гонорар Добролюбова был увеличен до 40 р. за лист, однако на этом уровне он продержался менее года, с мая 1858 г. он возрос до 50 р. за лист и таким оставался в течение всего 1859 г. При этом надо заметить, что в 1858 г. Добролюбову было установлено определенное жалование по 50 р. в месяц за чтение вторых корректур.

Приведенных цифровых данных достаточно, чтобы дать представление о размерах гонорара, выдававшегося «Современником». Следует отметить при этом, что помещение безгонорарных статей, обычное явление в журналистике первой половины XIX века, почти не практиковалось «Современником». Только в виде исключения, да и то очень немногие, статьи печатались в журнале даром. Решающую роль играла в этих случаях традиция — не оплачивать литературных дебютов. Об этом весьма определенно говорит Некрасов в одном из писем к Л. Н. Толстому: «в лучших наших журналах, — читаем мы здесь, — издавна существует обычай не платить за первую повесть начинающему автору, которого журнал впервые рекомендует публике».

Однако щедрое авансирование и сравнительно высокие гонорары еще не исчерпывают проявлений того заботливого и благожелательного отношения к материальным нуждам и потребностям основных сотрудников журнала, которого придерживался Некрасов. Известна его попытка привлечь четырех крупнейших сотрудников «Современника» — Толстого, Тургенева, Островского и Григоровича — к участию в «дивидендах». Подлинник договора, оформившего это участие, не сохранился в архиве конторы «Современника». Но его содержание легко восстановить по черновику найденного нами расчетного листа, определяющего размеры дивиденда в 1857 г. Договор устанавливал, что дивидендом следует считать доход от подписки сверх суммы, полученной от 3200 первых подписчиков (эта сумма должна была идти на покрытие расходов по изданию). Дивиденд было предположено делить на две части, причем первая часть в размере $\frac{1}{3}$ отходила на долю редакторов, т.е. Некрасова и Панаева; остальные же $\frac{2}{3}$ делились между Толстым, Тургеневым, Островским и Григоровичем (обязавшимися сотрудничать исключительно в «Современнике»), соответственно числу печатных листов, написанных каждым из них. Из общей суммы дивиденда должна была вычитаться стоимость расходов по изданию тех экземпляров журнала, которые шли на удовлетворение подписчиков сверх первых 3200. По данным конторы сверх 3200 на журнал в 1857 г. подписалось 785 человек, уплативших (подписная цена на журнал равнялась 15 р.) в общей сложности 10 990 р. Расход по напечатанию дополнительных экземпляров журнала был вычислен в сумме 4779 р. Таким образом, в пользу участников соглашения, считая редакторов, пришлось 6211 р.

Таким образом, Толстой, Тургенев и Григорович получили за каждый лист своих произведений, написанных в журнале, по 218 р. 40 коп. (143 р. 40 коп. дивиденда + 75 р. гонорара).

В 60-е годы Некрасов привлек к участию в дивиденде Чернышевского и Добролюбова. На каких основаниях состоялось их привлечение, мы не имеем точных сведений⁵⁰, но размеры полученного ими дивиденда были довольно значительны. Так, в конторских книгах «Современника» содержатся указания на то, что в 1861 г. Чернышевский и Добролюбов получили дивиденда по 5000 р. каждый.

После ареста Чернышевского к редактированию журнала, как мы знаем, были привлечены Антонович, Елисеев, Салтыков и Пыпин. В конце 1864 г. редакционная коллегия была пополнена Жуковским, который как бы заменил поступившего на государственную службу Салтыкова. Участие в составе редакции не только налагало известные обязанности, тождественные с теми, которые нес в свое время Чернышевский, но и давало право на получение постоянного жалования, иногда превышавшего сумму гонорара. По данным архива конторы «Современника», в 1865 г. М. А. Антонович из 4695 р. общего заработка собственное жалование получил 2400 р. (по 200 р. в месяц); А. Н. Пыпин из 3800 р. общего заработка жалования получил 2400 р. (по 200 р. в месяц).

В годы «Отечественных Записок» при распределении доходов, в свою очередь, широко применялся артельный принцип: доходы, получаемые от журнала, Некрасов делил теперь со своими соредакторами — М. Е. Салтыковым и Г. З. Елисеевым.

Чтобы дорисовать картину отношения Некрасова к журнальным доходам, сошлемся на следующее суждение И. А. Панаева из его воспоминаний: «Расчеты с участвующими в „Современнике“ постоянными и случайными сотрудниками... производились так широко и нерасчетливо, что для текущих и необходимых расходов по изданию не раз встречались затруднения, вынуждавшие прибегать к займам. Затруднения устранялись иногда только благодаря субсидиям, даваемым Некрасовым из его собственных денег, полученных им из источников, посторонних журналу». Из следующего видно, что такими источниками Панаев считал доходы от издания стихотворений и карточные выигрыши. Соглашаясь, что можно быть различного мнения о том, насколько хорошо играть в карты, Панаев подчеркивает, что «деньги, выигранные Некрасовым у людей, которым не много стоило проиграть, были употребляемы уже гораздо лучше, чем деньги, выигранные многими другими. На деньги Некрасова немало поддерживалось неимущих людей, много развивалось талантов, много бедняков выходило из затруднительного положения»⁵¹.

Сказанное И. А. Панаевым может быть подтверждено документальными данными, устанавливающими тот факт, что позаймствования из личных денег Некрасова в пользу кассы журнала делались иногда щедрой рукой и достигали крупных сумм.

Подводя итог изучению длинного ряда фактов, цифровых и документальных данных, извлеченных нами из архива конторы «Современника», необходимо сделать еще один вывод. Встречающиеся в мемуарной литературе и даже в современных исследованиях утверждения о якобы имевшей иногда место эксплуатации Некрасовым своих сотрудников являются не более как мифом или легендой. Возникла же эта легенда, с одной стороны, благодаря инсинуациям враждебно настроенных поэту людей, вроде Н. Успенского, с другой стороны — вследствие присущей Некрасову деловитости, столь отличавшей его среди других «людей сороковых годов», которым она была вовсе несвойственна и потому вызывала с их стороны иногда неверные истолкования и выводы.

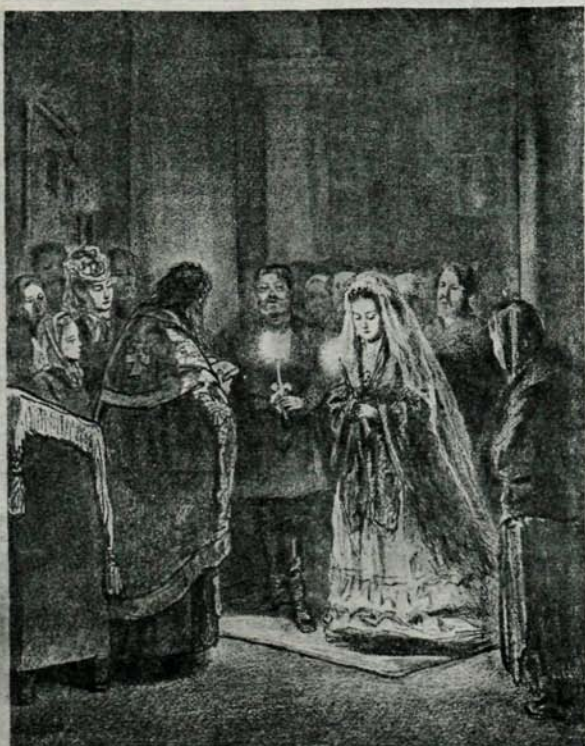
Принимая ближайшее участие в ведении хозяйства журнала Некрасов действительно обнаруживал недюжинные коммерческие способности, которые проявлялись и в большом и в малом. Он никогда, например, не дал бы себя обчитать и взят с себя лишнее типографии или бумажному фабриканту. Когда он видел, что с него запрашивают, он непрочь был и поторговаться. Вообще, считал своим долгом вникать во все подробности журнального хозяйства и соблюдать его выгоду. Характерна в этом отношении его записка к И. А. Панаеву, относящаяся, повидимому, к началу 1866 г.:

«Я тоже болен и не выхожу. Бумагу не берет менее как 2 р. 90 к.; мы так и порешили — еще на книги 2-ю и 3-ю, а там увидим; прошлогодняя же бумага по 2 р. 55 коп., менее не берет. Может быть, ты сшибешь у него по пятаку?..»

«Сшибать по пятаку» с цены, назначаемой торговцем, Некрасов считал для себя позволительным, но в сшибании пятаков у своего брата литератора неповинен. К такому выводу приводит изучение архива конторы «Современника», лишний раз доказывающее, что мертвый язык цифр и документов иной раз бывает самым веским и убедительным.

V. «ЖУРНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ» В ПОЭЗИИ НЕКРАСОВА

Говоря о Некрасове, как о журналисте, невозможно обойти вопрос о связи его журнальной деятельности с его поэтическим творчеством. Этот вопрос был поставлен критикой еще при жизни поэта. Поставлен в плане резко полемическом. Авсеенко в большой статье, напечатанной в «Русском мире» (1874 г.), свою резко отрицательную оценку поэзии Некрасова построил на утверждении, что она — «поэзия журнальных мотивов», т. е. что она «постоянно искала сближения с господствующим

СВАДЬБА

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СТИХОТВОРЕНИЮ «СВАДЬБА»

Автолитография А. И. Лебедева, 1877 г., представлявшая в цензуру

На полях — пометка цензурного разрешения

Литературный музей, Москва

журнальным направлением, черпала из него свои силы и вдохновение...». А так как «господствующее журнальное направление», представленное в 40-е годы Белинским, а в 60-е годы Чернышевским и Добролюбовым⁵², расценивалось критиком, как явление чрезвычайно «низменного уровня», то отсюда и вытекало его огульно отрицательное отношение к поэзии Некрасова. Оценка Авсеенко — махрового реакционера и литературного старовера — находится вне полемики. Но он, в известном смысле, прав, называя поэзию Некрасова «поэзией журнальных мотивов». Если «журнальными мотивами» считать те идеи, которые внесли в русскую жизнь великие революционные демократы Белинский, Чернышевский, Добролюбов, то поэзия Некрасова, конечно, «поэзия журнальных мо-

тивов», ибо он как поэт был выразителем того же направления русской общественной мысли. Конечно, не Белинский, не Чернышевский, не Добролюбов создали идейный облик поэзии Некрасова, его создала историческая закономерность эпохи во всем разнообразии своих экономических, социально-политических, культурно-бытовых факторов. Но Белинский, Чернышевский и Добролюбов являлись могущественными проводниками воздействия передовых идей эпохи на Некрасова. Работая многие годы в непосредственной и дружеской близости с «великими демократами», Некрасов укреплялся на тех именно идеологических позициях, благодаря которым он вошел в историю русской литературы и русского освободительного движения как великий и вдохновенный поэт-демократ. В качестве боевого товарища, единомышленника и друга Белинского, Чернышевского и Добролюбова, занимая вместе с ними руководящее место на журнальном посту, отражая нападки противников, нанося им сокрушительные удары, Некрасов постоянно находился в определенной, не только идейно-политической, но и психологической, атмосфере борьбы передового отряда революционной демократии с самодержавием и реакцией. Отсюда тот боевой, страстный, эмоционально-заразительный строй его лиры, благодаря которому песни его «ударяли по сердцам с неведомою силой».

Некрасов постоянно находился в курсе тех вопросов, которые приковывали к себе внимание передовых людей его эпохи, и с особою остротой воспринимал волнующие настроения того времени; одним словом, день ото дня переживал ряд впечатлений, неизбежно отражавшихся на нем и как на поэте. Его поэтические произведения, возникшие в атмосфере журнальной борьбы, прошедшие через ее горнило, должны были приобрести тот характер, который позволяет считать их образцами подлинной гражданской поэзии. Вне этой борьбы трудно, почти невозможно, представить себе Некрасова как поэта. И не только потому, что он художественно выражал в своем творчестве ту идеологию революционной демократии, главной лабораторией которой являлись его журналы, и не только потому, что журнальная борьба наложила яркий отпечаток на самый строй его лиры,— но и отчасти потому, что в его стихах мы постоянно встречаемся с непосредственными, конкретными «журнальными мотивами». Некрасов чаще, чем какой-либо другой поэт, разрабатывает темы и сюжеты, имеющие самое непосредственное отношение к журналистике его времени, насыщенной той самой журнальной борьбой, о которой только что говорилось. Мало того, эти темы и сюжеты освещаются под углом взглядов и настроений, характерных не просто для журналиста, а именно для журналиста такого типа, как Некрасов.

В советских изданиях стихотворений Некрасова, говоря точнее, во всех девяти изданиях однотомного «Полного собрания стихотворений» под редакцией К. И. Чуковского, введен особый раздел, озаглавленный: «Журнальные стихотворения». В последнем, девятом издании (1935) число стихотворений этого раздела равняется 20. Если сюда добавить ряд стихотворений из основного текста, а именно: «Н. Ф. Крузе» (1858), стихотворение «Газетная» (1865), 8 стихотворений цикла «Песен о свободном слове» (1865), «современную повесть» — «Суд» (1867), несколько строф из стихотворения «Недавнее время» (1871) и стихотворение «М. Е. Салтыкову» (1875), — то общее число журнальных стихотворений достигнет 34. Эта цифра достаточно выразительна, тем более, что приведенный перечень отнюдь не является исчерпывающим. В него, например, не вошли некоторые ранние произведения Некрасова, также относящиеся к «журнальным мотивам». Среди них первое место занимает: «Утро в редакции. Водевильные сцены из журнальной жизни» (1841) и «Почтеннейший» (глава 5-я II части романа «Жизнь и похождения Тихона Тросникова»).

Таким образом, «журнальные мотивы» проходят через все периоды творчества Некрасова — от самого раннего до самого позднего. Их совокупность свидетельствует и об исключительном знании Некрасовым различных сторон журнальной жизни, и о его умении ярко и красочно изображать их. Конечно, далеко не все произведения Некрасова, отмеченные нами к области «журнальных мотивов», равноценны как в художественном, так и в общественном отношении. Среди них есть вещи среднего достоинства. Но такие произведения, как «Почтеннейший», «Газетная», «Песни о свободном слове», принадлежат к лучшим образцам некрасовского творчества.

СЕМЕЙНЫЙ РАЗДЕЛ

Картина маслом В. М. Максимова, 1876 г.

Третьяковская галерея, Москва

«Утро в редакции», написанное Некрасовым в самом начале своего литературного пути, относится еще к жанру «водевильных сцен». Главная их цель — рассмешить публику рассказом о том, как тяжело приходится редактору, который должен срочно изготовить и послать в типографию материал для завтрашнего номера газеты, от толпы назойливых посетителей, по большей части странных и комичных чудаков. Однако водевильный тон, в котором выдержано данное произведение, не затемняет отнюдь не водевильного отношения к литературе, проявляемого редактором газеты Семячко (ему приданы черты Федора Кони) и отчасти его сотрудником Пельским (Перепельский — псевдоним Некрасова-водевилиста). Семячко — «неподкупный» журналист; он пишет «по убеждению», он исполняет свое дело «честно и добросовестно»; литературе предан так, что ее отрицательные стороны, ее «ржавчины», «желал бы смыть кровью и слезами». Семячко имеет полное право сказать о себе: «Я — литератор, а не торговка с рынка. Я могу входить в спор литературный, где от стол-

кновения мнений может произойти польза для науки, искусства или словесности, но в торгашнические перебранки, порождаемые спекулятивным взглядом на литературу моих противников, я входить не могу и не намерен».

Среди «противников» Семячко первое место занимает Задарин (т. е. Булгарин). Он не фигурирует в «Утре в редакции» в качестве действующего лица, но его тлетворное влияние чувствуется повсюду. Задарин — один из тех литераторов, которого как человека, привыкшего торговать своим мнением, легко подкупить, легко задарить. И когда светский фант Булкин пытается уговорить Семячко, чтобы он расхвалил бездарную актрису, суля ему тысячу голландских сигар, дорогие французские часы, обед с шампанским у Кулона, — то здесь сказывается влияние задаринской практики. И когда актер Прыткой пытается вооружить Семячко против своего сотоварища по сцене и передает о нем всякие сплетни, то и в этом случае сказывается влияние культивируемых Задариным нравов.

Разоблачению Булгарина и всей представляемой им «охранительно-продажно-доносительной», по выражению Щедрина, журналистики Некрасов посвящает также ряд страниц в своем романе «Жизнь и похождения Тихона Тросникова» (1843).

Если в 3-й главе II части романа в плане не столько художественном, сколько публицистическом дана яркая характеристика журналистики 40-х годов, причем особое внимание уделено наиболее реакционным ее представителям — Сенковскому, Булгарину, Шевыреву, то в 5-й главе той же части уже в плане чисто художественном изображен Булгарин.

Сказанное о Булгарине в 3-й главе и его образ в 5-й замечательно дополняют друг друга. В 5-й главе, которая вместе с «Петербургскими углами»⁵³ является одним из высших достижений некрасовской прозы, — Булгарин показан не столько как реакционер, сколько как человек, дошедший до крайних ступеней душевной низости, одним словом, как «страшный негодяй и бездельник, который торгует своими мнениями, обманывает публику и обирает портных и сапожников, пишет за деньги похвалы кондитерам и сигарочным фабрикантам, гонит талант и поощряет бездарность...»

Разоблачению того же Булгарина Некрасов посвятил и одну из острейших своих эпиграмм — «Он у нас осьмое чудо»⁵⁴, напечатанную в 1845 г. в альманахе «Первое апреля».

В годы «мрачного семилетия» Некрасов, по цензурным условиям, не мог касаться наиболее актуальной для передовой журналистики темы о правительственной реакции и цензурном терроре. Он вернулся к этой теме позже, прежде всего в поэме 1855 г. «В. Г. Белинский» (в ее заключительной части) и в стихотворении 1871 г. «Недавнее время»⁵⁵. А пока Некрасов поставил перед собой другую задачу: указать на те недостатки печати, которые не находились в слишком очевидной и прямой зависимости от реакции, хотя и были, в конечном счете, обусловлены ею. Об этих недостатках говорится в большом стихотворном диалоге «журналиста» с «подписчиком», озаглавленном «Деловой разговор».

«Подписчик» прежде всего высказывает недовольство отделом «Науки», статьи в котором, по его мнению, настолько специальны, что не представляют никакого общего интереса, как, например: «О роли петуха в языческом быту», «Значенье кочерги», «История ухвата» и т. д. Некрасов, несомненно, не просто сатирически высмеивает здесь чрезмерную специализацию статей с научной тематикой, а выступает против крохоборства и безидейности в науке.

Затем «подписчик» ставит «журналисту» в вину то, что в его журнале слишком много печатается переводов, и высказывается в пользу ориги-

ЗНАХАРКА.

II wenz 15

Знахарка въ нашемъ жаветъ околотѣ:

На воду ~~нетъ~~ на тушѣ, на водкѣ! +

Дя на шакнѣ-то галстѣ травѣ

Просто заводитъ, промѣная, страхъ!

Радостъ мало — пророчитъ все горе:

Бездучнѣ бы плакать ~~+~~ выпадалъ бы море. +

Да — Господь милостивъ! ~~+~~ нанѣ-то паролъ

Планыя не любить, а большае портъ.

Что ни предскажетъ кому: разоренье,

Убыль въ семействѣ — всему исполненье!

Божій народъ къ ней гурибѣмъ валитъ

И чудеса про нее говоритъ.

Молвила вѣдьма горластому барню:

«Э! угодишь ты на барскую парню!» +

И поглядывае — черезъ жизньъ всего,

Но дѣсу паренъ оретъ: аго-го-го!»

Дядѣ Степану сказала: «Кичишься

«Большо ты сивкой, а силки ланишься,

«Либо своей головой пропадешь!»

Стали Степана рекрутствою ~~бѣднѣть~~ —

Вывелъ коня на базаръ — откупился!...

Весь околотокъ колдунѣ дивился.

«Семка! и а понаблюдае къ ней!»

Думаетъ старый мучникъ Пантелей:

«Нольно народъ-отъ ужъ много толкуетъ:

«По-пусту знахарка на воду дуеетъ,

«Или и шпритъ чудеса-говорить?...»

Вотъ и пришелъ Пантелей — и стоитъ,

Ждетъ: у колдунѣ была ужъ дѣвица +

«Его не дѣлае-нема, пресловута.

Рядомъ съ ней паренъ — дворовый, кажись.

Знахарка дѣвкѣ: «ты съ намъ не влжись!

«Будетъ твоя особливая доля:

«Малыя слезы — и вѣчная воля!»

Дрогнувъ дворовый, а вѣдьма сму:

«Счастая не быть, молодой, твоему....»

«Либо вѣднѣ-то могора, пок»

«ЗНАХАРКА»

Гранка с авторской корректурой Некрасова («Современникъ» 1860, ноябрь)

Институт литературы АН СССР, Ленинград

нальных произведений русских авторов. Высоким патриотизмом дышат следующие строки стихотворения:

Народности чужой неясные черты
 Нам трудно понимать, не зная той среды,
 В которой романист рисуется, как дома...
 То ль дело русский быт и русское житье!
 Природа русская... Жизнь русская знакома
 Так каждому из нас, так любим мы ее,
 Что как ни даровит роман ваш переводный,
 Мы слабую ему статейку предпочтем,
 В которой нам дохнет картиною народной,
 И русской грустию, и русским удалством,
 Где развернется нам знакомая природа,
 Знакомые черты знакомого народа...

Наконец, «подписчик» упрекает «журналиста» в том, что в журналах чересчур много места отводится полемике, пустой и невероятно грубой, вызываемой, главным образом, соображениями журнальной конкуренции.

В 50-е и 60-е годы, в связи со смягчением цензурного режима, а также в связи с обострением борьбы на идеологическом фронте, «журнальные мотивы» в поэзии Некрасова становятся все более и более частыми. Сотрудничая в «Свистке», Некрасов время от времени печатает в нем стихотворения, в которых на «журнальном материале» выражает свое глубокое скептическое отношение к «достижениям либерального прогресса».

Однако наибольшего развития, силы и остроты «журнальные мотивы» в поэзии Некрасова достигают в середине 60-х годов. Новый закон о печати (6 апреля 1865 г.), который преподносился либеральной печатью в качестве крупного достижения эпохи реформ, поставил журнально-газетные темы в центр общественного внимания. Некрасова же, кроме того и в первую очередь, новый закон интересовал с точки зрения тех новых условий, которые он мог создать для его журнала и собственной литературной деятельности.

На этой общественно-психологической почве возникли стихотворения «Газетная» и «Песни о свободном слове».

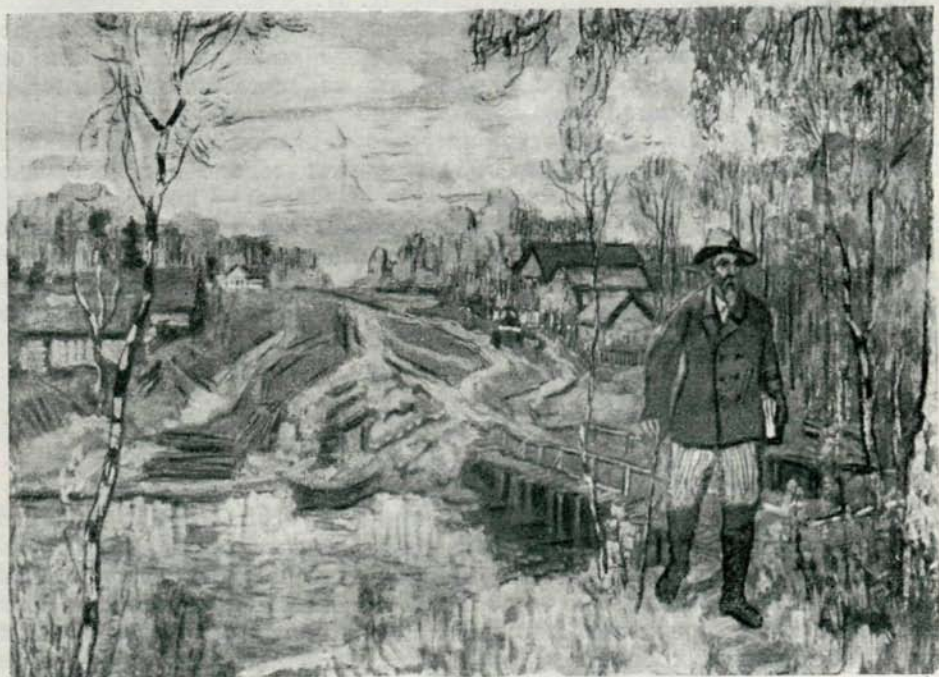
«Газетная» это — осиновый кол, вбитый в могилу старой цензурной практики. Некрасов знает, что не все цензоры — махровые реакционеры, находящие удовольствие в притеснениях отданной им «на поток и разграбление» литературы. Одного из либеральных цензоров, Н. Ф. Крузе, он еще недавно воспел «как доблестного гражданина», объявившего войну «слугам не родины, а царского семейства», способствовавшего тому, что

...до бедного народа
 Дошли великие слова:
 Наука, истина, отечество, свобода,
 Гражданские права.

Но Некрасов знал, что в царской цензуре люди, подобные Крузе, — не общее правило, а исключение. Да и воспевать Крузе ему пришлось только после его увольнения, лишний раз показавшего, что либеральным цензорам не место в цензурном ведомстве. Обстоятельствами вынужденной отставки Крузе, несомненно, и объясняется та преувеличенная оценка его общественных заслуг, которая содержится в стихотворении. Когда же Некрасов задумал дать читателю представление о царском цензоре обычного, так сказать, типа, он создал (1863) такой образ⁵⁶:

О, как желал бы я служить
 Начальником цензуры!
 Конечно, не затем, чтоб быть
 Бичом литературы,
 А так — порядок водворить.

Вот тут-то было б писку!
 Пришлось бы многим прекратить
 Журнальную подписку.
 Я б их, как ураган, застиг
 В открытом чистом поле,
 Совсем бы не являлось книг
 По месяцу и боле.
 И я воскликнул бы, поправ
 Их наглую свирепость:
 «Узнайте мой ужасный нрав
 И мощь мою — и крепость!»⁵⁷

НЕКРАСОВ В ЧУДОВСКОЙ ЛУКЕ

Акварель К. И. Горбатова, 1921 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Однако наиболее сильный удар по цензуре «доброго старого времени» нанесен был Некрасовым в 1865 г., в стихотворении «Газетная». Оно появилось в № 8 «Современника» за 1865 г., т. е. в первой «бесцензурной» книжке журнала. Еще было не ясно, что ждет печать при новом законе, но Некрасов не мог удержаться, чтобы не воспользоваться первой представившейся возможностью высказать свои мысли о цензуре и ее аргументах. Образ старого цензора в этом стихотворении — может быть, самый яркий образ цензора в русской поэзии, если не считать пушкинских образов в «Посланиях к цензору».

Некрасов наделяет своего «цензора» в «Газетной» убеждением в том, что, исполняя свои обязанности, он делает нужное и полезное дело, а потому достоин полнейшего уважения. Это — цензор-фанатик. Все его мысли сосредоточены на том, чтобы не пропустить никакого «канупера»⁵⁸. Он до крайних пределов развил в себе способность проникать в тайный смысл читаемого, причем этот тайный смысл, сплошь да рядом, чудится ему там, где его вовсе нет.

Элементы гротеска в созданном Некрасовым сатирическом образе не мешают ему быть вполне реалистическим художественным изображением царских цензоров типа Красовского и Фрейганга.

Новому «либеральному» закону о бесцензурной печати Некрасов посвятил свои «Песни о свободном слове». Несмотря на то, что каждое из стихотворений этого цикла и по содержанию и по форме имеет как бы самостоятельный характер и задание, они, подчиняясь единому замыслу, бьют в одну и ту же цель.

В «Литераторах», четвертом стихотворении цикла, изображается отношение к новому закону трех литераторов, которые в автографе именовались: «Писцов, Дворянчиков, Кутын». К. И. Чуковский справедливо усматривает в подборе фамилий стремление Некрасова указать на то, что литераторы, принадлежащие к различным социальным слоям, относятся к реформе по-разному: литераторы из чиновников (Писцов) и из помещиков (Дворянчиков) восторженно приветствуют валуевский «либеральный» закон о печати; литераторы-разночинцы, демократы (Кутын) настроены в отношении к нему выжидательно и недоверчиво.

Шестая «Песня» — самая крупная по размерам — носит название «Публика». Речь идет об отношении к демократической и либеральной печати «публики», состоящей из крепостников и реакционеров. Некрасов изображает эту публику в состоянии взволнованности и тревоги. Уничтожение Валуевым предварительной цензуры кажется ей чуть ли не революцией, и она взывает к власти:

Цензура, воспрянь!
Что ж это смотрит Валуев?
Все пошатнулось... О, где ты
Время без бурь и тревог?..

Однако всем содержанием стихотворения Некрасов дает понять, что Валуев неповинен в сколько-нибудь снисходительном отношении к печати, и, как бы в подтверждение, весьма прозрачно намекает на ряд статей в различных журналах, в том числе и в «Современнике», за которые были объявлены предостережения. Смысл стихотворной сатиры Некрасова в том, что реакционеры и крепостники не имеют оснований унывать, — и при новом законе печать несвободна и всецело зависит от произвола властей.

Стихотворение «Осторожность», — седьмая «Песня о свободном слове», — говорит, что не только административные кары угрожают писателю, но и судебные (новый закон о печати предусматривал, кроме объявления предостережений, и возбуждение судебного преследования):

Тисни, тисни! есть возможность, —
А потом дрожи суда...
Осторожность, осторожность,
Осторожность, господа!

Невиннейший факт, оглашенный в печати, может дать повод к судебному обвинению то в «оскорблении начал брачного союза», то в посягательстве на «родительский принцип», то в неуважении к религии, то в натравливании «бедных на богатых».

Таким образом, если в четвертой «Песне о свободном слове» мы встречаемся с проявлением иронии и недоверия в отношении нового закона, то в шестой и седьмой «Песнях» поэт выражает свое презрение к очередному обману царского правительства, которое своим либеральным законом не только не улучшило положения печати, а скорее отягчило, усложнило его.

Несколько позже «Песен о свободном слове» Некрасов напишет поэму «Суд», навеянную судебным процессом, возбужденным против Пыпина как

редактора публицистического отдела «Современника» и Ю. Г. Жуковского как автора статьи «Вопросы молодого поколения», напечатанной в номере 3-м «Современника» за 1866 г. Процесс этот, как известно, закончился присуждением каждого из обвиняемых к сторублевому штрафу и к трехнедельному заключению на гауптвахте.

Обзор «журнальных мотивов» в поэзии Некрасова показывает, что сатирические, отрицательные образы доминируют в этом разделе его поэзии. Иначе и не могло быть. Подобно всем писателям прошлого Некрасов жил и творил в условиях политического гнета и бесправия самодержавия. Ему не суждено было увидеть свободное русское слово, вольную журнальную трибуну, о чем он так страстно мечтал. Но ненависть великого поэта-демократа к «палачам слова» и «угнетателям мысли», воплощенная в его стихотворениях, посвященных положению современной ему печати, являлась одной из революционных сил его творчества. Эта сила действовала не только в направлении разрушения того строя, который веками держал в оковах русское слово и мысль, но и одновременно в направлении подготовки почвы для их будущего освобождения.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Н. Михайловский, Литературные воспоминания и современная смута. СПб., 1900, 81.

² Незнакомец «А. Суворин», Недельные очерки и картинки.—«Новое Время» 1878, № 662.

³ «Шестидесятые годы» (Воспоминания М. А. Антоновича и Г. З. Елисеева), изд. «Academia» 1933, 187—188.

⁴ Н. Чернышевский, Литературное наследие, М., 1930, III, 351—352.

⁵ У Некрасова была возможность получить для «Современника» всего «Обломова», но он уклонился от борьбы за право помещения романа в своем журнале, ибо, по его выражению в письме к И. С. Тургеневу от конца сентября 1858 г., «прелестнейший обед в тюремном замке должен несколько потерять» (Некрасов, Собрание сочинений, М.—Л., 1930, V, 237). Это значило, что Некрасов не считал желательным участие в «Современнике» одного из надсмотрщиков «тюремного замка» (намек на службу Гончарова в цензуре), хотя бы этот надсмотрщик умел изготавливать «прелестнейшие обеды». Впрочем, столь ригористическое отношение к сотрудничеству писателя-цензора не помешало «Современнику» дать высокую оценку «Обломову» в известной статье Добролюбова.

⁶ О роли, сыгранной Г. М. Толстым при организации «Современника» см. в настоящем томе работу: К. Чуковский, Григорий Толстой и Некрасов. К истории журнала «Современник».

⁷ В. Евгеньев-Максимов, «Современник» при Чернышевском и Добролюбова, Л., 1936, 399—412.

⁸ Снижение тиража падает на 1849—1853 гг., т. е. на наиболее реакционный период «мрачного семилетия». В годы Крымской войны наблюдается некоторое увеличение тиража, не превышающее, однако, 3500 экз.

⁹ Наличие нескольких цифр в отношении каждого года объясняется тем, что тираж журнала не был одним и тем же в течение всех 12 месяцев: он колебался по месяцам в связи с приливом и отливом подписчиков. Впрочем, эти колебания были невелики и обычно не превышали несколько сот экземпляров.

¹⁰ По «неведомой» потому, что о последовавшем запрещении «Альманаха» подписчики ничего не знали, а редакция лишена была возможности оповестить их об этом.

¹¹ См. текст удостоверения в кн.: В. Евгеньев-Максимов, Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л., 1928, 220—221.

¹² М. Лемке, Николаевские жандармы и литература. СПб., 1908, 201.

¹³ Министра народного просвещения Е. П. Ковалевского, проявлявшего некоторый либерализм.

¹⁴ И. В. Делянов в 1850 г. был назначен членом Главного управления цензуры.

¹⁵ Н. В. Медем — тогдашний председатель С.-Петербургского цензурного комитета.

¹⁶ См. об этом: В. Евгеньев-Максимов, Роман «Что делать?» в «Современнике». — Сб. «Н. Г. Чернышевский», изд. Ленингр. Госуд. Университета, Л. 1941.

¹⁷ 10 ноября 1865 г. «Современник», согласно новому закону, получил первое предостережение, а 4 декабря того же года — второе.

¹⁸ Новые материалы, относящиеся к этой форме борьбы Некрасова за журнал, публикуются в настоящем томе в статье: Б. Палковский и С. Макашин, Некрасов и литературная политика самодержавия.

¹⁹ О данном эпизоде в цензурной истории «Отечественных Записок» см.: В. Евгеньев-Максимов, История одного цензурного auto da fe.—«Книга и Революция» 1921, XII.

²⁰ Н. Михайловский, цит. соч., 66.

²¹ «Шестидесятые годы», цит. соч., 187.

²² П. Ковалевский, цит. соч., 275.

²³ «Шестидесятые годы», цит. соч., 403—404.

²⁴ П. Ковалевский, цит. соч., 293—294.

²⁵ Н. Михайловский, цит. соч., 72.

²⁶ «Шестидесятые годы», цит. соч., 197.

²⁷ Там же, 200.

²⁸ А. Пыпин, Некрасов, СПб., 1905, 45—46.

²⁹ [М. Антонович и Ю. Жуковский], Материалы для характеристики современной русской литературы, СПб., 1869.

³⁰ Н. Михайловский, цит. соч., 72.

³¹ «Шестидесятые годы», цит. соч., 202.

³² А. Пыпин, цит. соч., 227.

³³ Н. Михайловский, цит. соч., 72.

³⁴ П. Ковалевский, цит. соч., 293.

³⁵ «Шестидесятые годы», цит. соч., 395.

³⁶ П. Ковалевский, цит. соч., 294.

³⁷ См. ст. Е. Ляцкого в «Современном мире» 1911, кн. 9.

³⁸ «Шестидесятые годы», цит. соч., 226.

³⁹ Там же, 201—202.

⁴⁰ В. Евгеньев-Максимов, Черты редакторской деятельности Н. А. Некрасова в связи с историей его журналов.—«Голос Минувшего», 1915, XI.

⁴¹ «Петербургская Газета» 1902, 6 декабря.

⁴² Е. Колбасин, Тени старого «Современника».—«Современник», 1911, VIII.

⁴³ Там же.

⁴⁴ П. Ковалевский, цит. соч., 276.

⁴⁵ Там же, 278.

⁴⁶ В. Евгеньев, Н. А. Некрасов. Сб. статей и материалов, М., 1914, 128—137.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Н. Успенский, как мы знаем, обнаружил удивительную неблагодарность в отношении Некрасова. Клеветнические обвинения Н. Успенского («Развлечение», 1888, №№ 20—21) были документально опровергнуты И. А. Панаевым («Новое Время», 1889, 18 января).

⁴⁹ Это условие приведено Е. Ляцким в его статье в «Современном мире» 1911, кн. 9.

⁵⁰ Не имеем точных данных, в том смысле, что не найдено «условие» (договор), определяющее основания состоявшегося соглашения. О том же, что соглашение состоялось, говорится в письмах Чернышевского к Добролюбову от 14—16 декабря 1860 г., 21 января и 3/15 мая 1861 г. В письме от 21 января сказано: «Мы порешили с Некрасовым делить доход с «Современника» на 4 части — Вам, мне, Некрасову, Панаеву...»

⁵¹ В. Евгеньев, Н. А. Некрасов. Сб. статей и материалов, М. 1914, 136.

⁵² В статье Авсеенко имя Белинского было упомянуто, имена же особенно ему ненавистных Чернышевского и Добролюбова упомянуты не были, хотя, без сомнения, именно их он постоянно имеет в виду.

⁵³ Напоминаем, что «Петербургские углы» не что иное, как одна из глав того же романа о Тросникове.

⁵⁴ О принадлежности этой эпиграммы Некрасову в свое время велся спор: высказывалось мнение, что она принадлежит А. И. Кронебергу. В этом споре мы разделяем точку зрения К. И. Чуковского, утверждающего, что автором эпиграммы надо считать Некрасова.

⁵⁵ На строфы из «Недавнего времени», изображающие разговор автора с шефом жандармов, уже указывалось выше. Кроме того, реакция 1848 г. изображена в стихотворении еще в ряде других отрывков, из которых наиболее замечательный («Знал я старца...») ярко рисует образ одного из доносчиков, непомерно расплодившихся в ту пору.

⁵⁶ См. стихотворение «Мое желание», впоследствии введенное Некрасовым в текст большого стихотворения «Из автобиографии генерал-лейтенанта Рудометова 2-го».

⁵⁷ «Крепость» — игра слов, содержащая намек на Петропавловскую крепость.

⁵⁸ Канупер — сильно пахнущее растение. Слово используется здесь метафорически для «золотового» обозначения одиозных, с точки зрения цензуры, мнений в статьях.